

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО
СПЕКТР

Космос Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко

Спектр

«Издательство АСТ»

2001-02

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С. В.

Спектр / С. В. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
2001-02 — (Космос Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-120071-8

«Расскажи историю, странник...» Такова странная цена, которую надлежит заплатить таинственному «ключнику» за пропуск через Врата – межпланетные порталы, через которые проходят туристы и искатели приключений, сбежавшие из дома подростки и усталые отцы семейств, скрывающиеся от закона преступники и нанятые для возвращения беглецов охотники. Сколько Врат предстоит пройти лучшему из земных охотников, пытающемуся найти бесследно исчезнувшую девчонку? Из мира – в мир! От планеты – к планете. От истории – к истории!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120071-8

© Лукьяненко С. В., 2001-02
© Издательство АСТ, 2001-02

Содержание

Спектр	5
Часть первая	5
Пролог	6
1	8
2	15
3	21
4	28
5	37
Часть вторая	44
Пролог	45
1	48
2	54
3	62
4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Спектр
(Каждый охотник желает знать)
роман в семи частях, с семью
прологами и одним эпилогом

Часть первая
Красный

Пролог

Каждый со времен Александра Сергеевича знает, что навещать пожилых родственников – не то чтобы непременно долг, но обязанность воспитанного человека, и Мартин ею не пренебрегал. Помимо вежливости, ему было по-человечески радостно увидеть дядю, посидеть с ним на кухне за чашкой кофе и поговорить о чем-нибудь мелком, незначительном, или же, напротив, – о проблемах философских, разгадка которых человечеством пока не найдена. Была в этих регулярных посещениях и еще одна маленькая человеческая приятность – во многих компаниях Мартина уже звали по отчеству, чего он ужасно не любил. Да и как русскому человеку любить такое нелепое сочетание – Мартин Игоревич? Ну а дядя никогда по отчеству его не звал и звать не собирался. В хорошем расположении духа он окликал Мартина Мартом, в плохом (что, впрочем, случалось нечасто) желчно называл Иденом. Был, видимо, тридцать с лишним лет назад между дядей и отцом Мартина какой-то суровый родственный спор по поводу имени. Сам дядя был закоренелый холостяк, на вопросы о детях сухо отвечал «не знаком», но почему-то считал своей законной обязанностью принимать полнейшее участие в жизни любимого племянника. По сути дела, дядя проиграл лишь один бой – по поводу имени, зато по всем остальным вопросам ему всегда удавалось настоять на своем. Иногда Мартин был за это от души благодарен, например, за сорванные планы учить его с младенчества игре на фортепьяно, за разрешения отправиться в многодневный поход или поехать с друзьями в Питер автостопом. Все попытки родителей спорить кончались тяжелым взглядом из-под бровей и вопросом: «Вы мужика растите или певца эстрадного?» Эстраду дядя и впрямь не любил, а из всех певцов уважал лишь Кобзона и Леонтьева, и то виновато прибавляя: «За голос и характер».

Впрочем, при всей суровости характера не лишен был дядя и маленьких человеческих слабостей, особенно сильно проявившихся в последние десять лет, когда на всей земле жизнь пошла наперекосяк. Проснулись в нем дремавшие прежде кулинарные склонности, и если раньше мог он прожить целую неделю на яичнице и дешевом пиве, то теперь проводил у плиты полдня, а вечерами либо звал к себе гостей, либо сам отправлялся в гости. Мартину эта слабость нравилась, ибо делала визиты еще приятнее. Вот и сегодня, созвонившись с дядей предварительно и выяснив, что на ужин планируется утка Вайдахуньяд, Мартин зашел в магазин у метро и придиричливо выбрал вино. Конечно же, в данном случае полагалось пить венгерское. Пусть эстеты и патриоты насмешливо улыбаются, услышав про «венгерское вино», пусть одни нахваливают сладковатый сотерн и терпкий тавель, а другие спорят о сравнительном числе путонов токая в массандровском и венгерском токайском. Мартин же давно убедился, что к каждой пище есть свой, географией и историей дарованный аккомпанемент. К вареной картошечке и малосольной селедочке не придумано ничего лучше простой русской водки, к пряной бастурме годится густой армянский коньяк (хотя по широте кавказской души бастурма примет и водочку), к нежным устрицам – белое французское вино, прохладное и легкое, к жирным и вредным для организма сосискам – чешское или баварское пиво.

Так что при выборе вина Мартин не колебался. Выстояв маленькую очередь – впереди две привередливые пенсионерки, долго выбиравшие кусочек испанского хамона «позапашистее», потребовали нарезать его, да потоньше, – Мартин подошел к усталой молоденькой продавщице. Купил бутылку белого балатонского и бутылку красного эгерского, чуточку поболтал с девушкой, благо за спиной пока никто не стоял. Девушка была симпатичной и умненькой, училась в институте, а в магазине подрабатывала вечерами, чтобы заработать на летнюю поездку по Европе. Через минуту Мартин безошибочным инстинктом понял, что хотя девушка и не прочь с ним поболтать, но серьезно знакомиться не собирается, у нее уже есть хороший и верный друг. Пришлось откланяться и уйти, тихонько погромыхая бутылками, завернутыми в гофрированную бумагу и упрятанными в прочный пакет.

На улице было хорошо. На Москву опустился вечер – первый по-настоящему теплый летний вечер после долгой прохладной зимы. То, что сегодня был вечер пятницы, только добавляло ему приятности. Поток машин со стремящимися на дачи горожанами уже схлынул, стало тихо. Немногочисленные ребятишки, оставшиеся в городе на выходные, носились по тротуарам на самокатах, в скверике у метро настраивался маленький джаз-банд, и первые пенсионеры уже собирались на скамеечках, чтобы послушать музыку, посудачить и потанцевать. Старенькая девятиэтажка, в которой обитал дядя, стояла неподалеку, Мартин пошел к ней не по пешеходной дорожке, а напрямик, через запущенный старый садик. По пути он едва не спугнул влюбленную парочку, обнимавшуюся на скамейке, но вовремя услышал жаркий шепот и двинулся совсем тихо, придерживая пакет с бутылками перед собой, чтобы не гремел.

Пришел Мартин вовремя. Открыв дверь, дядя буркнул что-то, долженствующее служить приветствием, и бросился на кухню – вынимать утку из духовки. Мартин же привычно сунул ноги в безразмерные гостевые тапочки и прошел в гостиную. Жил дядя скромно, в малоразмерной двухкомнатной квартире, съезжать отсюда не собирался, заявляя, что в шестьдесят семь лет думать о кладбище еще рано, но о переезде – уже поздно. В спальне – а по совместительству кабинете – все стены были заставлены старыми-престарыми книжными полками, хранящими не менее древние книги, зато гостиная была меблирована современно, где-то даже модно, под «хай-тек», с обилием стоек из никелированных труб и небьющегося стекла, хитрой аппаратурой, воспроизводящей изображение и звук, с пижонскими французскими колонками «Водопад» – стеклянными, ценившимися знатоками за отсутствие призвука корпуса. Дожидаюсь дядю, Мартин порылся в дисках, выбрал Бетховена в исполнении Эмиля Гилельса, после чего снял пиджак и устроился у стола поудобнее.

Дядя не заставил себя долго ждать. Уже через минуту он появился в гостиной со знаменитой уткой на противне – шипящей, благоухающей, обложенной крошечными голубцами, успевшими вволю пропитаться утиным жирком. При виде утки Мартин воспрял, бросился открывать бутылки, кляня себя за то, что не пришел пораньше – по-хорошему, вину бы стоило полчаса подышать, избавиться от запаха пробки и раскрыть аромат во всей красе. Но дядя вино похвалил и так, после чего они некоторое время отдавались гастрономическим удовольствиям, перебрасываясь репликами не то чтобы совсем пустячными, но интересными лишь близким людям – о родителях Мартина, уже второй месяц проводящих на солнечных пляжах Кубы, о непутевом младшем брате Мартина, который, едва окончив один институт, поступил в другой – ибо в профессии юриста успел разочароваться, зато к исконным их врагам журналистам проникся неизъяснимой симпатией. Поговорили и о дяде, о его больной печени, которой, конечно же, не понравится нынешнее угощение, о возне с перерасчетом пенсии, не позволяющей дяде исполнить мечту детства и посетить Мадагаскар. За разговором Мартин с удовольствием отметил, что дядя бодрости духа не теряет, за собой следит и даже не поленился повязать к ужину галстук, что для холостяка приравнивается к подвигу. Потом дядя начал исподволь расспрашивать Мартина о его работе – очень осторожно и тонко, надеясь застать племянника врасплох и заставить проговориться. Но Мартин был начеку, отделялся общими фразами, «да» и «нет» не говорил, на белую лесть и черные намеки не покупался, так что дядя с досадой бросил расспросы и приналег на утку.

Тут за окнами раздался тихий гул, перекрывший, однако, Патетическую сонату, и низко над домами прошло летающее блюдо, заходящее на посадку. Радостно загалдели дети, а у какой-то машины сработала сигнализация и с полминуты заливалась неприятными для уха трелями.

Пустячное это происшествие, однако, сразу же сменило тему разговора. Речь за столом теперь пошла о вещах серьезных, государственных, и дядя начал высказывать свою точку зрения о Чужих, Мартину давно известную, но все равно регулярно выслушиваемую.

Нельзя сказать, что Мартин этой темы чурался, но мнение имел все-таки свое, а спорить с дядей не хотел. Так что остаток вечера прошел скомканно, под дядин монолог, и, решившись наконец-то откланяться, племянник почувствовал некое облегчение. Хорошо еще, что была уважительная причина – завтра он отбывал «в командировку» и даже понятия не имел, сколько она продлится.

1

Дождь нагнал Мартина на вершине холма.

Тучи плыли так низко, что казалось – можно подпрыгнуть и зачерпнуть ладонью мокрой серой ваты. Первые капли дождя простучали по тропинке, выбивая фонтанчики пыли, на миг стихли – и дождь надвинулся сплошной стеной.

Тропинка вмиг превратилась в подобие желоба из аквапарка. Лужи запузырились грязью. Холодная вода плескала по ногам, тучи падали все ниже – и вот уже Мартин шел в дожде, в серой мгле, в сердце бушующей стихии. Стало совсем темно. Первые минуты непромокаемая ткань куртки справлялась, потом по коже поползла сырость. Штаны прилипли к ногам, под клапаны ботинок тоже натекало.

Он шел вперед, проклиная и дождь, идущий триста дней в году, и заросли колючего кустарника, из-за которого тропинка вопреки здравому смыслу пролегла по холму, и свою работу, и самого себя. Тропинка раскисала прямо под ногами, держать равновесие становилось все труднее и труднее, он уже не шел – скользил, балансируя и ежесекундно рискуя упасть. Карабин прирос к спине и заметно отяжелел, к подошвам при каждом шаге прилипало полпуда грязи, а внутри тоже все раскисло: хлюпало в носу, клокотало в горле, мышцы одрябли мокрой ватой, даже мысли сделались водянистыми и текучими.

Мартин сейчас был бы рад чему угодно – вынырнувшему из кустов зверю, удару молнии и раскату грома, даже неожиданным препятствиям, заставляющим бежать, подтягиваться, прыгать или ползти. Но в сером дожде не было ничего, кроме хлюпающей грязи, мокрых колючих веток и плотного серого тумана. И ничего не оставалось, кроме как идти, монотонно и безостановочно, сливаясь с однообразием ливня.

Огонек над Станцией он увидел, лишь спустившись вниз с холма. То ли в дожде был просвет, то ли ушли выше тучи – сквозь косые серые струи стал поблескивать маяк. Красная вспышка, зеленая вспышка, пауза (а на самом деле – вспышка в ультрафиолетовом диапазоне) и яркий белый свет, ослепительный и завораживающий, будто огонь электрической дуги. Мартин зашагал быстрее. Он все-таки не сбился с пути.

Через час он вышел к Станции. Сложенное из каменных блоков двухэтажное здание не выглядело чуждым в этом краю холмов и болот. Окна, задернутые плотными багровыми шторами, казались теми единственно уместными цветными пятнами, что подчеркивали общий серый тон. Маяк на вершине высокой каменной башни поблескивал высоко над головой. Башенка напоминала не то минарет, не то маленький морской маяк где-нибудь на краю мира.

А на веранде сидел в плетеном кресле-качалке, глядя на приближающегося Мартина, смотритель маяка и местный муэдзин в одном лице – покрытое блестящим черным мехом существо полутора метров ростом. Мех на голове ничем не отличался от меха, покрывавшего все тело, только вокруг больших печальных глаз и губастого рта был реже и короче. Из одежды на существе были лишь длинные, до колен, шорты.

– Здравствуй, ключник, – останавливаясь перед ведущей в дом лесенкой – три широкие невысокие ступеньки, – сказал Мартин.

– Здравствуй, путник, – вынимая изо рта трубку, ответил ключник. У него был приятный низкий голос, мужской, но с какой-то женской мягкостью и ласковостью. Чувствовался

небольшой акцент, но столь легкий, что он переставал резать слух через несколько секунд. – Входи и отдохни.

Теперь Мартин мог подняться. Вытирая подошвы о ребра ступенек – вниз падали пласты тяжелой жирной грязи, – он вошел на веранду. Рядом с ключником стояло еще одно кресло, на столике – графин с бледно-желтым вином и два стакана. Это было деликатным приглашением, Впрочем, ключники никогда не настаивали на немедленной беседе.

– Я хотел бы попасть домой, – сказал Мартин, усаживаясь в кресло. – Как можно быстрее.

Ключник посасывал трубку. Даже запах табака казался уютным, земным. Почему-то ключники легче всего перенимали человеческие пороки – им нравилось вино, а сама идея табакокурения привела их в восторг.

– Здесь грустно и одиноко, – сказал ключник. Ритуальная фраза прозвучала поразительно искренне – трудно было придумать место более грустное и одинокое, чем эта сырая, болотистая, холодная планета. – Поговори со мной, путник.

– Я пришел в этот мир два дня назад, – начал Мартин, как будто ключник уже позабыл их первую встречу. Впрочем, этот ли ключник встретил его? – Пришел не в поисках новых впечатлений и не стремясь к приключениям. Один человек, живущий на планете Земля, совершил злой и нелепый поступок. Будучи пьяным, он позволил худшему в своей душе одержать над ним верх. Не знаю, давно ли он ревновал свою жену, не знаю, были ли к тому основания... но в тот вечер их ссора закончилась трагедией. Он убил женщину. А потом, ужаснувшись содеянного, бежал через Врата.

Ключник кивнул, раскачиваясь в кресле.

– Родные несчастной женщины решили наказать убийцу, – продолжил Мартин после паузы. – Они наняли меня и попросили найти его. Найти и привести обратно. Я пошел вслед за ним и оказался в этом мире...

– Во Вселенной так много миров, – сказал ключник, вытряхивая трубку. – И во многих мирах могут жить люди. Как ты узнал его путь?

– Это сложно, – признался Мартин. – Мне требуется хорошо узнать человека, вжиться в него, почувствовать его мечты, страхи, думать как он. Люди не всегда выбирают свой путь осознанно. Порой влияет красивое название, необычное сочетание звуков, душевный порыв... Иногда я ошибаюсь, но в этот раз удача улыбнулась мне с первой же попытки.

Ключник кивнул, принимая объяснение.

– Я нашел беглеца, – продолжил Мартин. – Он ожидал погоню, и мне не удалось заставить его идти обратно. Иногда беседа помогает, человек решает вернуться и принять наказание, которое установлено в нашем мире. Но этот человек не хотел возвращаться. В нем было много раскаяния, но еще больше – страха. Я убил беглеца. Вот его жетон.

Достав из кармана, он показал прозрачный жетон на тонкой цепочке. В пластиковом кругляше виднелась крошечная микросхема.

– Теперь я вернусь домой и расскажу родственникам погибшей женщины, что она отомщена, – продолжал Мартин. – Властям нашего мира я не стану сообщать о случившемся. То, что произошло за Вратами, их не касается.

Ключник начал набивать трубку. Кончики пальцев у него были бесшерстные, с черной блестящей кожей, как у обезьян. Требовалось очень хорошо присмотреться, чтобы понять – это не кожа, а мелкие чешуйки.

– Здесь грустно и одиноко, – пробормотал он. – Я слышал много таких историй, путник.

Мартин помолчал, потом достал из кармана еще один жетон.

– Я шел по пятам беглеца, – сказал он. – Этот мир встретил меня дождем, но никакой ливень не может смыть все следы. Я понял, что мой путь верен, когда нашел след первого привала. Потом, с вершины одного из холмов, я заметил людей. Двоих людей – один отставал, но догонял другого. Я понял, что их встреча грозит бедой, и ускорил шаг. Но я опоздал. Вскоре

прямо на дороге я наткнулся на тело юноши, почти мальчика, ему было лет шестнадцать-семнадцать. Беглец подпустил его ближе – и застрелил.

– Зачем? – заинтересовался ключник. – Ему понравилось убивать?

– Нет. Это страх заставил беглеца спустить курок. Он ждал погони, он боялся, что следом отправится охотник. Он не стал разбираться. Он даже не задумался, может ли такой зеленый юнец быть охотником. Месть бесплодна, ключник, мсть не поднимет мертвых из могилы и не прибавит в мире доброты. Вначале я не собирался убивать беглеца. Но я стоял над телом мальчика, прошедшего Вратами и встретившего смерть под чужим небом и чужим дождем. Что он искал за пределами Земли? Богатства, славы, любви? Просто приключений? Не знаю. Чем он сумел расплатиться за проход? Почему был так наивен, почему не понимал, что самое опасное в чужих мирах – это человек? Не знаю. Но я понял, что беглеца нельзя отпускать. Когда-то в его душе жили и любовь, и доброта. Остался страх. Будь возможным убить лишь страх – он никогда больше не поднял бы руки на человека. Но пока человек жив – он не перестанет бояться. Поэтому я убил беглеца и взял его жетон.

Ключник раздумывал, качаясь и пуская клубы дыма. Вынул изо рта трубку.

– Ты развеял мою грусть и одиночество, путник. Входи во Врата и продолжай свой путь.

Теперь Мартин мог подняться на второй этаж, занять одну из предназначенных для людей комнат, принять горячую ванну и пообедать. Или продолжить путь немедленно.

Мартин кивнул. Налил себе бокал вина. Произнес в пространство, стараясь, чтобы вопрос звучал как можно более риторически:

– Чем же была плоха первая часть истории...

Конечно же, ключник не ответил. Конечно же, Мартин и не ждал ответа. Залпом выпив вино, он поднялся.

– Спасибо за науку, ключник. Прощай.

– А ты дошел до города, путник?

– Нет. Я видел вдали огни, но не хотел терять время.

– Это большой город, – сообщил ключник. – Самый большой город Хляби. Там живет три тысячи людей и почти десять тысяч нелюдей. Город стоит на берегу мелкого моря, и жители добывают водоросли. Отвар их ценится во многих мирах – он продлевает жизнь и придает яркость впечатлениям. В городе отвар пьют все, от мэра до последнего нищего, но в других мирах он доступен лишь самым богатым и влиятельным. Это моя история, и пусть она развеет твою грусть.

– Спасибо, ключник, – сказал Мартин и пошел к двери. Уже входя в здание, не удержался, посмотрел назад. Ключник все так же раскачивался в кресле. Короткий треугольный хвост свешивался из вырезанной в спинке кресла дырочки.

Все-таки ключники были рептилиями. Пусть и поросшими мехом, пусть и похожими на обезьян.

В коридорах Станции было тепло и тихо. Каменный пол покрывали плотные циновки, литые бронзовые светильники давали странный тревожный свет – спектр был рассчитан не только на людей. Мартин поднялся на второй этаж и зашел в одну из «человеческих» комнат – со слишком массивной мебелью и подозрительно низкими стульями, но все-таки удобную. Зато ванная оказалась роскошной – с глубоким круглым бассейном и чем-то вроде турецкой бани в маленькой кабинке. Разумеется, не ради удовольствия людей – для какой-то из гуманоидных рас тепловые процедуры были жизненно необходимыми.

А ключники всегда соблюдали свои обязательства.

Мартин разделся, пустил воду в бассейн, сполоснулся под душем и зашел в банную кабинку. В каменной стене потрескивал нагреватель, а за прозрачной дверью пузырилась, наполняя бассейн, горячая вода. Мартин сидел, опустив голову на грудь, закрыв глаза, медленно впитывал тепло всем телом. Проклятый дождь вымотал его сильнее, чем он предполагал.

Интересно, сколько ему позволили бы отдыхать, не удовлетворишься ключник рассказом? Сутки, двое?

Однажды удача может отвернуться от него. И очередной ключник, развалившись в кресле-качалке или вытянувшись на циновке, будет раз за разом повторять: «Здесь грустно и одиноко, путник». Чем руководствовались ключники, принимая или отклоняя плату за проход Вратами, до сих пор оставалось загадкой. Достоверно было известно лишь то, что они отвергают истории, взятые из художественных книг, кинофильмов или общеизвестных исторических документов. Годились истории, случившиеся с самим рассказчиком или передающиеся устно. Ни одной историей нельзя было расплатиться дважды, пусть и в разных Вратах, – ключники обменивались информацией мгновенно или почти мгновенно. Нельзя было рассказывать истории «впрок» – только перед проходом во Врата. Вполне годились истории придуманные, но в этом случае ключники были особо придирчивы к сюжету и стилю повествования. Истории трагические или романтические нравились ключникам гораздо больше, чем пасторальные или описания природы. Неплохо шли истории юмористические и детективные, загадочные и мистические. Почти всегда срабатывали повествования мемуарные, но большинству людей приходилось рассказать всё мало-мальски интересное, случившееся в их жизни, чтобы удовлетворить ключника. Возможно, это было изощренной ловушкой, позволявшей воспользоваться Вратами любому человеку. Любому – но лишь один раз.

Чем смог расплатиться за проход мальчик, лежащий сейчас в чужой земле в двадцати километрах от Врат?

Историей своей первой и последней любви? Скорее всего.

Мартин выбрался из кабинки, погрузился в бассейн. После бани теплая вода казалась приятно прохладной. Поколебавшись, Мартин все-таки дотянулся до одежды, достал жетон и часы. Часы надел на руку, жетон некоторое время рассматривал. Потом коснулся нескольких кнопок на часах и поднес их к жетону.

Вообще-то это было запрещено российским законом... нет, неверно – не было разрешено частным лицам. Но сканеры жетонов все-таки продавались на черном рынке, порядка ради замаскированные под часы или портативные компьютеры.

На маленьком экранчике появились строчки. Номер – ничего для Мартина не значащий. Имя. Возраст. Номер последних пройденных Врат.

Юноша был испанцем, ему не исполнилось еще и семнадцати лет.

Мартин спрятал жетон в карман и вытянулся в теплой воде. Рано или поздно власти раскусят трюк с замаскированным под часы сканером и изменят кодировку жетонов. А может быть, и не станут. Может быть, время недоверия к ключникам и их клиентам осталось в прошлом.

Мартин выбрался из бассейна, спустил воду и обдал бассейн из душа. Вытерся чистым, отглаженным полотенцем – и бросил его в ящик для грязного белья. Оделся. Рюкзак навьючивать не стал, подхватил под лямки.

И пошел к Вратам.

Эта Станция не пользовалась большой популярностью. Мартин никого не встретил ни в жилом блоке, ни, пройдя тремя автоматическими дверями, в центральной зоне. Маленький круглый зал, сердце Станции, был столь же аскетичен, как и все остальное. Компьютерная консоль на невысокой стойке казалась единственным признаком высоких технологий. На самом деле это была самая примитивная часть системы – все равно что запал из бикфордова шнура под дюзами ракеты или механический замок на клавиатуре компьютера. Впрочем, человечеству не привыкать к подобным гибридам.

Мартин подождал, пока дверь за спиной закроется и стянется до полной герметичности. Засветился дисплей. Мартин выдвинул клавиатуру, повел курсором по длинному-длинному списку. Большая часть названий светилась зеленым – туда был открыт путь человеку. Желтый

цвет отмечал названия планет, где человек мог существовать с большим риском для жизни, в кислородной маске, или, к примеру, был нежеланным гостем. Красный цвет обозначал те миры, где человек существовать не мог вообще – по крайней мере без серьезных защитных средств или помощи местного населения. Миры со слишком большой гравитацией или слишком разреженной атмосферой, миры, где дышат хлором, миры, где воздух пронизан электрическими разрядами и магнитными полями чудовищной силы, миры, где материя живет по другим физическим законам. Мартина всегда интересовало, какой персонал оставляют ключники в таких мирах. Неужели доверяются местным жителям или автоматике?

Но ответить на это могли только ключники. А они предпочитали задавать вопросы, а не отвечать на них.

Мартин выбрал из списка Землю. Раскрылось второе меню – четырнадцать Врат, доставшихся человечеству. Мартин выбрал Москву. Нажал «ввод». Выскочила последняя предупреждающая надпись, и Мартин нажал ввод повторно.

Дисплей потемнел и отключился.

А больше ничего и не изменилось.

Ничего, кроме планеты, на которой он находился.

Мартин подхватил с пола рюкзак и пошел к дверям. За его спиной компьютерная консоль плавно исчезала в полу, уступая место совсем уж архаичной конструкции – сотням цветных рычажков на трех наборных барабанах из черного лакового эбонита. Это значило, что к Вратам шел чужой. И Мартин, совершенно случайно, даже знал, какой именно.

С геддаром он столкнулся в коридоре, за второй шлюзовой дверью. Высокая и на человеческий взгляд – нескладная фигура. Лицо почти человеческое, только глаза посажены слишком широко и ушные раковины геометрически правильной формы, полукружия, как на рисунках маленьких детей. Кожа серая – и вполне обычные красные губы выделяются на ней страшноватым кровавым мазком. Пышная одежда карминных и лазоревых цветов, из-за плеча – рукоять ритуального меча, волнистого и тонкого, сделанного не из металла, а из сплавленных воедино разноцветных каменных нитей.

Геддар коротко склонил голову в поклоне.

Мартин вежливо кивнул в ответ.

Они разминулись. Геддар пошел к Вратам, к своим рычажкам и наборным барабанам. А Мартин прошел широким коридором и вышел из станции в Гагаринский переулок.

Когда-то это было одно из самых приятных и тихих мест Москвы. Во времена советской империи здесь снимали фильмы, призванные показать красоту столицы. Еще здесь любила сидеть знать. Может быть, и ключникам это место понравилось, хотя кто знает мотивы ключников? Во всяком случае, десять лет назад именно сюда упал зародыш Врат, чтобы за трое суток, небрежно распахнув уютные дома, развернуться в Станцию.

С тех пор ни у кого не повернулся бы язык назвать это место тихим.

Московская Станция была одной из самых больших на Земле. Ключники то ли решили не озабочиваться архитектурными изысками, то ли выразили в такой форме свое мнение о столичном зодчестве, но Станция оказалась еще и самой уродливой. Несколько огромных бетонных куполов, беспорядочное нагромождение кубов, произвольно разбросанные окна с темнотеркальными стеклами, башенка маяка – высокая, чуть ли не в сотню метров, но при этом все из того же зернистого необлагороженного бетона, с дурацкой беседкой наверху – из которой и посверкивал маяк. На крыше одного из кубов имелась посадочная площадка для летающих блюд – ключники пользовались ими редко, но всегда держали одну-две машины наготове. По периметру Станции, на растрескавшемся асфальте, проходила выложенная керамической плиткой белая полоса – граница. За ней – невысокие решетчатые ограждения, будочки милиции. Лишь у входа ограды не было, и стражи порядка хоть и стояли на постах, но желающим войти не препятствовали.

Мартин постоял, оглядываясь. Шел мелкий холодный дождь, даром что по календарю уже месяц как началось лето. За периметром шатались зеваки, дети и городские сумасшедшие. Зато журналистов по причине плохой погоды было совсем немного. Мокло под дождем несколько пикетов с лозунгами «Ключники, убирайтесь домой!», солидного вида мужчина держал в руках плакат с надписью «Галочка, вернись!». Мужчину Мартин хорошо помнил, он дежурил у Станции уже третий месяц. Появлялся после пяти, выставлял на обозрение равнодушных стен свой плакат, в девять аккуратно его сворачивал и уходил. Кажется, мужчина тоже узнал Мартина и едва заметно кивнул.

Мартин отвернулся. Очереди на выход были у всех пропускных пунктов, самая короткая – у третьего, выходящего на Сивцев Вражек. Туда он и направился.

Молодой пограничник проверял документы у существа, которое Мартин еще никогда не видел воочию. Гуманоид с маслянисто поблескивающей серой кожей и двумя парами рук, одетый в коричневые меха и что-то вроде шерстяного берета, босой, с крошечными, прикрытыми прозрачной мембраной глазками. В справочнике Гарнеля и Чистяковой «Кто есть кто во Вселенной» Мартину встречалась эта раса, но ничего примечательного в памяти не всплывало. Это и к лучшему – опасных чужаков он помнил наизусть.

– Вон обменный пункт, – толковывал пограничник. – Вы можете нанять индивидуального гида или обратиться в туристическое агентство. С нашими законами вы ознакомлены?

Чужак кивнул.

– Поставьте свою подпись здесь и здесь...

Мужчина, стоящий между Мартином и Чужим, обернулся. Доброжелательно и чуть заискивающе улыбнулся Мартину. Спросил:

– Простите, вы местный?

– Да.

– Я из Канады. Вы не посоветуете мне, в какой отель лучше направиться?

Мартин пожал плечами. Покосился на агентов, толкущихся в отдалении.

– Что вам важнее, стоимость, комфорт, расположение отеля?

Канадец улыбнулся, задумчиво развел руками. На миллионера он никак не походил, обычный западный обыватель среднего возраста и достатка.

– Понятно. Возьмите такси и езжайте в «Россию». Чуть меньше комфорта, но в центре и недорого.

– Спасибо! – Канадец пребывал в том возбужденно-радостном состоянии, которое сразу же выдает человека, первый раз вернувшегося на Землю. – Я гостил у дочери, она живет на Эльдорадо. Вернуться решил через Россию, посмотреть мир...

– Мудрое решение, – согласился Мартин. – Я тоже частенько возвращаюсь через иностранные Врата.

Во взгляде канадца появилось уважение.

– О, так вы не первый раз путешествуете?

Мартин кивнул.

– Многие в Москве знают туристический язык?

– Как везде. Один из тысячи. Лучше пользуйтесь английским, туриста, прошедшего Вратами, каждый постарается ободрать как липку.

– Следующий! – позвал пограничник. Чужак уже шел к обменному пункту, равнодушно обходя суесящихся гидов и менял. Умный и законопослушный чужак.

Канадец еще раз широко улыбнулся Мартину и двинулся к пограничнику.

– Добрый день, предъявите ваши документы...

Пограничник перешел на английский. Мартин мимолетно подумал, что с языками у погранцов за последний год стало лучше. Почти все знали туристический – значит хотя бы раз прошли Вратами... то есть хотя бы два раза. Общий язык ключники давали всем, кто восполь-

зовался услугами их транспортной системы. Даже те расы, чья система коммуникаций основывалась не на звуковой речи, получали универсальный язык жестов, позволяющий сносно объясняться.

– Следующий...

Канадец неуверенно двинулся по улице. К нему, чуя поживу, тут же метнулись гиды и таксисты. Обдерут канадца, никуда он не денется.

– Мартин Дугин, гражданин России. – Он протянул документы.

Пограничник задумчиво листал паспорт. Визы, визы, визы...

– Я о вас слышал, – сказал он. – Вы каждый месяц пользуетесь Вратами.

Мартин промолчал.

– Как это у вас получается, а? – Пограничник посмотрел Мартину в глаза. Будто ожидал какого-то небывалого откровения или неожиданного признания.

– Просто иду. Рассказываю что-нибудь ключнику, потом...

Пограничник кивнул, оставаясь серьезным:

– Я понимаю. Я был за Вратами. А все-таки в чем дело? Некоторые и один-то раз пройти не могут.

– Наверное, язык хорошо подвешен? – предположил Мартин. – Не знаю, офицер. Все свои истории я рассказал в соответствующих органах. Чем-то они ключникам нравятся.

Пограничник шлепнул в паспорт въездную визу.

– С возвращением, Мартин Дугин. Вы знаете, что у вас есть прозвище? Ходок.

– Спасибо, знаю.

– Оружие разряжено?

– Да, конечно. – Мартин похлопал чехол. – Разобрано и разряжено. Обычный карабин. Я с ним на кабанов охочусь.

– Удачной охоты. – Пограничник смотрел на Мартина с любопытством, но без неприязни. – Вы бы разобрались, как это у вас получается, гражданин Дугин. Всем бы польза была.

– Я постараюсь, – проходя зеленой аркой пропускного пункта, сказал Мартин. Все-таки пограничники в последнее время стали лучше. Спокойнее как-то... без той нервозности и подозрительности, что в первые годы.

Он прошел пешком минут десять, удаляясь от суеты и толпы. Мимо магазинов «Охота» и «Все в дорогу», мимо стихийно возникшего, но успевшего уже легализоваться крытого рынка, где торговали снаряжением и товарами с чужих планет. Мимо нескольких маленьких гостиниц «для всех рас» и ресторанов с заманчивыми иноземными названиями, обещавшими небывалые яства.

Только потом Мартин поймал машину. Частник остановился сам, открыл дверь, не уточняя ни маршрута, ни цены. Спросил:

– Из путешествия вернулись?

Здесь, на обычной московской улице, туристический язык уже казался чужим. Слишком простые и мягкие звуки, слишком короткие фразы.

– Да. Только что.

– Так и думал. Сам три раза путешествовал. Дай, думаю, подвезу собрата... Далеко были? Мартин закрыл глаза, откинулся поудобнее.

– Очень далеко. Двести световых.

– И что там?

– То же самое. Дождь идет.

Водитель засмеялся:

– Вот и я так думаю. В гостях хорошо, а дома лучше. Сколько ни путешествуй, а лучше Земли не найдешь. Я ведь путешествовал просто так, на слабо меня друзья взяли. Пьяные все, дурни, поспорили, что сумеем пройти и вернуться. Я-то вернулся, а вот...

Мартин молчал. Перебирал пальцами в кармане два жетона: без сканера их было не отличить друг от друга. Вечером Мартину предстояло написать письмо родным погибшего мальчика и отправить горькую весть вместе с жетоном.

Мартин решил, что после этого стоит выпить.

2

Никогда не назначайте деловые встречи на утро понедельника.

Субботним вечером это покажется прекрасной идеей. Можно быстро закончить телефонный разговор и вернуться к гостям. Можно искренне верить, что воскресенье пройдет спокойно и тихо, в неспешных домашних делах и небрежной холостяцкой уборке, с ленивой вылазкой в ближайший магазин за пивом и мороженой пищей – самым гнусным надругательством американцев над итальянской кулинарией. Можно даже рассчитывать, что вечер воскресенья завершится сонным просмотром телевизора.

Никогда не обещайте бросить курить с нового года, заняться спортом со следующего месяца и быть свежим и бодрым с утра понедельника.

– Вас зовут Мартин? – спросил гость.

Мартин сделал головой странное движение, которое могло означать все что угодно: «да», «нет», «не помню» или «у меня болит голова, а вы задаете дурацкие вопросы».

Последнее предположение было бы верным.

– Хотите каффин? – неожиданно предложил гость. Мартин посмотрел на него с проснувшимся интересом.

По первому впечатлению источник его мучений был типичным бизнесменом из тех, кто начал носить галстук с год назад, но еще не научился самостоятельно его завязывать. Коренастый, коротко стриженный, в костюме от Валентино и сорочке от Этро. Мартин прекрасно знал, с какими просьбами такие друзья приходят, и давно уже научился в этих просьбах отказывать.

Что смущало Мартина – так это часы. Настоящий «Патек». Не по чину были часики, а это могло означать все что угодно. Начиная от непроходимой глупости визитера и заканчивая самым неприятным – он не тот, за кого себя выдает.

– Давайте, – согласился Мартин. Гость протянул ему полоску фольги с запрессованными внутрь таблетками. Вспомнилось, что такая упаковка называется «блистер». Красивое слово, почти фантастическое. Он достал свой верный блистер...

– У вас уютно, – дожидаясь, пока Мартин разжует и запьет минералкой таблетки, сказал гость. Ничего особо уютного в комнате не было – так, рабочий кабинет в обычной квартире. Стол с компьютером, два кресла, книжные шкафы и оружейный сейф в углу. Так что на комплимент Мартин не ответил, посчитав его простой данью вежливости. – Значит, вы и есть Мартин?

– Вы наверняка видели мои фотографии, – пробормотал Мартин. – Да.

– Редкое имя в наших широтах, – глубокомысленно заметил гость.

Мартин начал звереть. Имя было тем, что он никак не мог простить родителям. Раннее детство прошло под прозвищем «гусак» – мультик про мальчика Нильса, путешествовавшего над Скандинавией на гусе Мартине, показывали по телевизору регулярно. Ну а о том, как сочетается имя Мартин с отчеством Игоревич, лучше было и не вспоминать.

– И в долготях, – согласился Мартин. – Родители обожали книгу Джека Лондона «Мартин Иден». Я удовлетворил ваше любопытство?

Гость кивнул. И сказал:

– Хорошо еще, что им не нравился Грин. Редкое имя куда лучше придуманного, верно?

Мартин смотрел на него, и на языке вертелось «тебе ли рассуждать о Грине?». Но ведь – рассуждает!

– И как бы меня могли звать в таком случае? – поинтересовался он.

– О, – гость оживился, – масса интересных вариантов! Друд. Санди. Грэй. Стил. Коломб. А еще ваши родители могли увлекаться политикой. Всякая революционная романтика... Фидель Олегович, к примеру. Поверьте, это еще ужаснее!

Мартин развел руками:

– Сдаюсь... Слушаю вас очень внимательно, таинственный незнакомец.

Гость не стал торжествовать. Гость достал из кармана пиджака паспорт и протянул Мартину.

– Эрнесто Семенович Полушкин, – вполголоса прочитал Мартин. Поднял на визитера глаза, кивнул, вернул паспорт. – Как я вас понимаю... Давайте к делу?

– Вы – частный детектив, работающий за пределами Земли, – сказал Эрнесто Семенович. – Я не ошибаюсь?

Работы своей Мартин не стыдился и скрывал ее от родных лишь по причине старомодности дяди и излишней нервозности матери. Сам он предпочитал термин «курьер», но, в сущности, это была многократно воспетая и многократно осмеянная работа частного детектива. Опасная вопреки расхожему мнению не количеством нацеленных в сердце пуль, а количеством получаемых пощечин и выслушиваемых истерик.

– Давайте я внесу полную ясность, – сказал Мартин. – Так уж получилось, что некоторые люди умеют заговаривать ключникам зубы, а некоторые – нет. Так уж получилось, что у меня это получается очень удачно. Поэтому я выполняю работу, более всего схожую с работой курьера. Ваша любимая жена отправилась путешествовать по другим мирам? Я найду ее и передам ваше письмо. А если она не может придумать историю для возвращения – я сочиню для нее историю. Ваш деловой партнер живет в ином мире? Я поработаю посыльным. Через Врата большие грузы не протащишь, но ведь торгуют не только железным ломом и бревнами. Я могу доставить десяток-другой килограммов – редкое инопланетное лекарство, пряности, чертежи и схемы неизвестных на Земле устройств... Только не просите таскать наркотики. Во-первых, выходящих через Врата проверяют. Во-вторых, я принципиальный противник психотропных средств. Вы можете также попросить меня найти убежавшего кредитора или нечистоплотного делового партнера, но тут уж я подумаю, браться ли за дело. Я вовсе не супермен. И не наемный убийца. Рисковать жизнью ради чьей-то мести мне не хочется.

– А если вам сделают такое предложение? – спросил Эрнесто. Он слушал Мартина очень внимательно.

– Это уже предложение? – уточнил Мартин.

– Вопрос.

– Сам я на такие вопросы отвечать не обучен, – с ноткой разочарования отозвался Мартин, вставая. – Но есть у меня номер телефонный, могу дать, человек за меня и поговорит.

Эрнесто Семенович улыбнулся и остался сидеть.

– Я действительно не собираюсь делать такие предложения, Мартин. Это было чистейшее любопытство. Я знаю тех, кто является вашей крышей. Мне даже известно, почему вам оказана эта услуга. И я мог бы попробовать их переубедить... но мне это совершенно не нужно.

– Тогда к делу, – снова садясь, ответил Мартин. То ли из-за вычурного имени, то ли из-за каких-то нюансов поведения, но утренний гость ему нравился. Очень не хотелось выслушивать от него слегка завуалированное предложение найти и прикончить сбежавшего с Земли должника. Впрочем, многолетний опыт уже подсказывал Мартину, что подобных банальностей не будет. С такими предложениями приходят люди попроще.

Эрнесто замялся. Где-то глубоко под спокойной иронией и явным доброжелательством, адресованным Мартину, жила в нем легкая тревога и неловкость. Будто собирался он поведать

историю печальную и постыдную одновременно: о неверной жене, убежавшей с лучшим другом, о наглom кидалове, на которое он купился словно лох, о вспыхнувшей внезапно страсти к молоденькой дуре-фотомодели, о потребности в редчайшем и дорогом афродизиаке с планеты Ханаан.

Мартин ждал, демонстрируя вежливость, но ничуть его не торопя и заинтересованности не проявляя. Серьезные люди очень не любят просить, а ситуация такая, что хочешь не хочешь, но в роли просителя Эрнесто Семеновичу побывать придется. Впрочем, человек он сильный, раз уж фамилия Полушкин ему в житейских делах не помешала. Иной бы сменил, войдя в сознательный возраст, а Эрнесто ее носил гордо, как знамя над осажденным фортом.

– Все до ужаса банально, – сказал Эрнесто. – Вы позволите?

– Да, – глядя на появляющиеся на свет портсигар и зажигалку-гильотинку, сказал Мартин. – Благодарю.

Сигару он взял с удовольствием, хотя и не считал себя любителем табачной отравы. Но уж лучше иногда покурить сигару, чем каждые полчаса травиться сигаретным дымом.

– Настоящая гавана, – мимоходом сказал Эрнесто. – Был недавно на Кубе, оттуда и привез... в Москве сплошной фальсификат...

Мартин подумал, что эту банальную фразу изрекают обычно люди, ничего не понимающие в сигарах, не умеющие их хранить и не знающие, где покупать. Но сигара и впрямь оказалась отличной – и Мартин смолчал.

– Так я говорю, что все очень банально, Мартин. У меня есть дочь. Ей семнадцать лет... дурацкий возраст, что ни говори. Девочке взбрело устроить себе турне... она прошла Вратами. Я прошу вас отыскать ее и доставить обратно. Как видите – все очень просто.

– Чрезвычайно просто, – согласился Мартин. – И очень банально... Семнадцать лет, говорите?

Эрнесто кивнул.

– Давно она покинула Землю?

– Три дня назад.

Мартин кивнул. Хуже, чем если бы его разыскали немедленно... но терпимо. Хотя его и пытались разыскать – еще в субботу... без особой настойчивости, впрочем.

– Я должен кое-что выяснить, прежде чем приму решение.

Эрнесто не возражал.

– Какие ваши отношения с дочерью? – спросил Мартин.

– Хорошие, – без колебаний ответил Эрнесто. – Нет, бывают споры... но вы понимаете, я избавлен от целого ряда обычных житейских проблем. Хочешь новые тряпки – пожалуйста. Хочешь всю ночь слушать музыку – слова никто не скажет... когда строили дом, я сразу заказал хорошую звукоизоляцию. Отдых, учеба... все в порядке.

– Я понимаю, – согласился Мартин. – А обычные, человеческие отношения? Поговорить по душам, отпроситься в ночной клуб, привести домой приятеля?

– Поверьте, я хороший отец, – с легкой гордостью сказал Эрнесто. – Поговорю, отпущу, разрешу. Поспорою, посоветую, но если не удастся на своем настоять – смирюсь.

– Замечательно, – с понятным недоверием ответил Мартин. – Что ж... а как она относится к вашему бизнесу?

– У меня вполне законный бизнес, – опять же не без гордости сказал Эрнесто. – Любой серьезный бизнес – гадкая штука, но стыдиться мне нечего. Я не бандит, торгующий «дурью» и содержащий притоны. И дочери за меня не стыдно, если вы об этом спрашиваете.

– Она посоветовалась с вами, прежде чем отправиться в свое... путешествие?

– Нет, – ответил Эрнесто.

– Это не кажется вам странным?

– Не кажется. У нас были разговоры про Врата, и я объяснял Ирине, что пользоваться услугами ключников следует с осторожностью, лишь накопив жизненный опыт и обретя уверенность в собственных силах. Ирочка не согласилась. Ей нравятся путешествия, а что может быть лучшим путешествием, чем путь через Врата? Скажу честно, Мартин, я не исключаю, что через два-три дня Ирочка вернется сама. Но не хочу рисковать.

– Мне надо будет осмотреть ее комнату, личные вещи, – сказал Мартин.

Эрнесто нахмурился, но все-таки кивнул.

– Оплата?

– Назовите сумму, – легко ответил Эрнесто. – Я знаю ваши расценки, меня они не смущают.

Ну что за незадача! Мартин пытался придумать хоть одну вразумительную причину для отказа – и не находил причин. Приятный человек. Легкомысленная дочка. Хорошие деньги. Не за что зацепиться. И уж если дойдет дело до серьезных разговоров, его не поймет собственная крыша. Скажут: «Серьезный мужик, с понятиями... беда у него, надо бы помочь, Мартин».

Все эти мысли промелькнули в голове и сменились чем-то вроде недоумения. Почему он хочет отказаться от предложения? На бухгалтера-убийцу он согласился охотиться, рискуя и пулю поймать, и собственные руки в крови испачкать. А сейчас надо всего-то девочку домой вернуть.

– Не нравится мне что-то, – признался Мартин. – Честное слово.

Эрнесто развел руками – мол, ничем помочь не могу.

– Вы все мне сказали? – уточнил Мартин. – О своей дочери, о себе?

Если и была в ответе пауза, то совсем крошечная и невинная.

– Все, что относится к делу. Но вы спрашивайте, я отвечу на любые вопросы.

Мартин сдался:

– Я приму душ и выпью кофе, хорошо? А потом отправимся к вам. Можете подождать здесь...

– С удовольствием, – немедленно согласился Эрнесто. – Книжечку полистаю...

Лежащий на столе потрепанный том Гарнеля и Чистяковой открылся на статье о расе хри, подозреваемой авторами в ненависти к чужакам и людоедстве. Полушкин посмотрел на фотографию, изображающую что-то вроде гигантского омара на болотистом берегу, лицо его даже не дрогнуло.

Мартин отправился в душ.

– Здесь грустно и одиноко, – сказал ключник. – Поговори со мной, путник.

Мартин никогда не придумывал истории загодя. Частично из суеверия – ему казалось, что придуманная история может каким-то мистическим образом «материализоваться», стать известной другим путешественникам. Частично из сложившегося ощущения, что ключники ценили импровизацию.

– Я хочу рассказать о человеке и его мечте, – сказал Мартин. – Это был обыкновенный человек, живущий на планете Земля. И мечта у него была обыкновенная, простая, другой бы и за мечту ее не посчитал... уютный домик, маленькая машина, любимая жена и славные детишки. Человек умел не только мечтать, но и работать. Он построил свой дом, и дом даже получился не слишком маленьким. Встретил девушку, которую полюбил, и она полюбила его. Человек купил машину – чтобы можно было ездить в путешествия и быстрее возвращаться домой. Он даже купил еще одну машину – для жены, чтобы та не слишком скучала без него. У них родились дети: не один, не двое, а четверо прекрасных, умных детей, которые любили родителей.

Ключник слушал. Сидел на диванчике в одной из маленьких комнатенок московской Станции и внимательно слушал Мартина.

– И вот, когда мечта человека исполнилась, – продолжал Мартин, – ему вдруг стало одиноко. Его любила жена, его обожали дети, в доме было уютно, и все дороги мира были открыты перед ним. Но чего-то не хватало. И однажды, темной осенней ночью, когда холодный ветер срывал последние листья с деревьев, человек вышел на балкон своего дома и посмотрел окрест. Он искал свою мечту, без которой стало так тяжело жить. Но мечта о доме превратилась в кирпичные стены и перестала быть мечтой. Все дороги лежали перед ним, и машина стала лишь сваренными вместе кусками крашеного железа. Даже женщина, спавшая в его постели, была обычной женщиной, а не мечтой о любви. Даже дети, которых он любил, стали обычными детьми, а не мечтой о детях. И человек подумал, что было бы очень хорошо выйти из своего прекрасного дома, пнуть в крыло роскошную машину, помахать рукой жене, поцеловать детей и уйти навсегда...

Мартин перевел дыхание. Ключники любили паузы, но дело было даже не в этом – Мартин еще не знал, как закончит свой рассказ.

– Он ушел? – спросил ключник, и Мартин понял, как надо ответить.

– Нет. Он спустился в спальню, лег рядом с женой и уснул. Не сразу, но все-таки уснул. И старался больше не выходить из дома, когда осенний ветер играет с опавшей листвой. Человек постиг то, что некоторые узнают в детстве, но многие не понимают и в старости. Он осознал, что нельзя мечтать о достижимом. С тех пор он старался придумать себе новую мечту, настоящую. Конечно же, это не вышло. Но зато он жил мечтой о настоящей мечте.

– Это очень старая история, – задумчиво сказал ключник. – Старая и печальная. Но ты развеял мою грусть, путник. Входи во Врата и начинай свой путь.

Время выбора не ограничивалось ничем – кроме разве что голода и жажды. Однажды Мартин провел перед компьютером больше шести часов.

Вот и сейчас прошло уже минут сорок, а он все никак не мог решиться.

За вчерашний день он успел побывать в доме Ирины, поговорить с двумя ее подругами и перепуганным насмерть бойфрендом – совершенно бесполезным пареньком лет семнадцати, заискивающим перед отцом Иры, перед ее матерью и, кажется, даже перед собакой – здоровенной тоскливой мальтийской овчаркой.

Собака, кстати, смущала Мартина больше всего. Пес принадлежал Ире, он жил в ее комнате, мелькал на всех фотографиях и видеозаписях, которые любезно предоставил Эрнесто Семенович. Пес был серьезным, боевым. Пес скучал без хозяйки.

Почему же она не взяла его с собой?

Молодая дуреха, убегая из дома, может не сказать ни слова матери и отцу. Но вот любимых собак такие вот девочки всегда берут с собой: и в чисто прагматических целях, наивно полагая, что пес – лучший в мире защитник, и в той сентиментальной привязанности, которая в семнадцать лет ставит животных на одну ступеньку с людьми, а то и выше.

Ирочка собаку не взяла.

Не взяла она и висящий на стене комнаты арбалет – изящную испанскую игрушку из углепластика и титана, штуку дорогую и в самом деле полезную. Не взяла карабин, которым умела пользоваться и который был вполне официально зарегистрирован в милиции.

Как-то сразу напрашивалась мысль, что тяга к приключениям у девочки Иры вполне умеренная, что из всех «зеленых» планет она выбрала такую, где в оружии никакой необходимости нет: процветающую американо-европейскую общину на Эльдorado, город-курорт на Голубых Далах, город-планету добрых и высокоразвитых аранков, один из миров-заповедников под патронажем дио-дао – расы аскетичной и суровой, но до безумия пунктуальной и законопослушной. В общем, одну из тех планет, про которые любят рассказывать в журналах «Вог» или «Домашний очаг», не жалея места для цветных фотографий и восторженного лепета туристов...

Не вязалось это с характером девочки, вот в чем беда! Не стала бы она менять шило на мыло и перемещаться из созданного папиными денежками комфортабельного мирка в другой уютный мирок. У Мартина даже мелькнуло подозрение, что ни в какие Врата девочка не отправилась, а улетела на Багамы или Гавайи с настоящим бойфрендом, о котором родители, как им и положено, не подозревали.

Но подружки, девочки столь же глупенькие и обеспеченные, как сама Ирочка Полушкина, захлебываясь от непритворного восторга и насквозь фальшивых опасений за ее судьбу, уверенно рассказывали про московскую Станцию и вошедшую в ее двери Ирину. Никаких вещей с собой Ирина не взяла, обошлась сумкой с одеждой и какой-то мелочевкой, купленной в магазинчике «Все в дорогу». Девочки честно прождали подругу два часа, которые ключники отводили каждому путешественнику для попытки рассказать хорошую историю. Ира не вышла. В чужом мире она могла попросить у ключников пустить ее в комнату отдыха, но на Земле этот номер бы не прошел.

Мартин пролистал все журналы, которые нашел в комнате Иры. Просмотрел видеокассеты, особое внимание уделяя фильмам, где говорилось о Вратах и ключниках. Взломал пароль на компьютере (это не заняло много времени) и внимательно проглядел электронные письма, логи, наивные плохонькие стихи, излюбленные ссылки в Интернете. Он узнал много интересного, включая вполне здоровый интерес девушки к сексу и довольно неожиданную страсть к футболу, нашел в самом банальном месте – под матрасом – девичий дневник, закрытый на крошечный замочек, поддавшийся перочинному ножу. Дневник был заполнен сплетнями, набросками красивых платьев, воспоминаниями о поцелуях и страстных влюбленностях, долгими размышлениями на тему, стоит ли позволять *это* до свадьбы, вперемешку с раздумьями о смысле жизни и судьбах человечества. По этим монологам очень четко можно было судить, какую книжку девочка прочитала накануне или какой фильм посмотрела. В общем, хорошая, почти замечательная семнадцатилетняя девушка.

И никаких намеков, почему девушка вошла во Врата и куда отправилась.

Мартин смотрел в экран – и не видел планеты.

Рыжеволосая девушка с зелеными глазами. Из очень благополучной семьи. Глупенькая соответственно возрасту и умная от природы. Куда же ее понесло?

Эльдорадо... Дио-Дао...

Нет.

Миры «фронтира», куда толпами стекаются люди и нелюди из открытых ключниками миров. Миры суровые и просторные, открытые к освоению и никому еще не принадлежащие, миры, где можно мыть золото, растить пшеницу, срубить дом в лесу или стать настоящим шерифом. Миры, куда рвутся мальчишки от двенадцати лет и старше.

Нет.

Всякая опасная экзотика вроде материнских планет Чужих. Поставленные ключниками условия не допускали никаких ограничений свободы передвижения... но есть очень много методов отвадить чужаков от своей планеты. Высокие цены на жилье и пищу, иезуитские препоны к получению визы, обыкновенная преступность, на которую власти закрывают глаза...

Нет.

– Ты ведь не наугад пошла, – сказал Мартин, глядя в экран. – Что-то тебя зацепило.

Все-таки он что-то упустил. Какую-то маленькую, неприметную деталь в характере девочки, заставившую ее ринуться во Врата.

Секс? Религия? Проблемы с законом? Все пустое. Никакого секса у нее еще и в помине не было, вера в Бога – на уровне «конечно же, есть Высший Разум», правоохранительные органы никаких претензий к Ире не имели.

Мартин закрыл глаза, заново проматывая в памяти всю полученную информацию. Вот это Ирочка на пляже, в панамке и с ведерочком, вот это Ирочка за пианино, вот это Ирочка идет в первый класс престижного колледжа...

Что-то заставило остановиться. Престижный колледж. Обучение – три с половиной тысячи в год. Танцы, риторика, психология, айкидо... вилку держим в левой ручке, в носике ковыряем правой...

Углубленное изучение языков. Ира учила английский и французский, потом к ним добавилась латынь и греческий, потом – немецкий и испанский...

А последние два года Ирочка занималась самым нелепым предметом, который только можно представить. Она учила туристический язык. Скажите, ну зачем изучать язык, который тебе вложат в сознание при первом же путешествии – маленький и приятный подарок ключников? Для понта? Просто потому, что у тебя великолепные способности к языкам?

Горячо. Очень горячо!

Мартин улыбнулся, погнав курсор вверх. *Рондо... Карасан ... Иолл ... Ёжики ... Вено ...* Планеты, где много людей, планеты, где много Чужих...

Библиотека.

Мир, очень популярный в первые два года после прихода ключников. Мир, на который жадно набрасывается каждая раса, получившая доступ к Вратам. Мир, который никому не нужен. Мир, имеющий лишь одни Врата – очень удачно.

Нажимая «ввод», Мартин уже не сомневался, что угадал.

3

Станция была стандартной – большое двухэтажное здание, сложенное из каменных блоков, с башенкой-маяком. Верный признак, что на этой планете нет своей цивилизации, и ключники не озаботились архитектурными излишествами.

Но если на планете Хлябь такая же стандартная Станция казалась пустой и почти заброшенной, то здесь кипела жизнь. В коридорах Мартин наткнулся на парочку Чужих – пушистых четвероногих с пристальным хищным взглядом и волчьей мордой, с верхнего этажа доносилась разноголосая речь: видно, в гостинном зале спорили о чем-то отдыхающие путники. За спиной Мартин все время ловил легкое шлепанье лап, не то обутой в мягкое, не то аморфных по своей природе. Мартин знал, что на Станции ни одно существо не посмеет, да и не сумеет причинить кому-нибудь вред.

И все-таки неприкрытая слежка раздражала.

Он вышел на деревянную веранду и обнаружил там сразу двоих ключников. Один, постарше, с седовато-бурым мехом, курил трубку, облокотившись на перила и любясь окрестностями. Другой сидел за накрытым к чаю столом и внимательно слушал Чужого – высокого широкоплечего гуманоида с приплюснутой головкой и здоровенными когтистыми лапами. Одежды на Чужом не было, лишь полоса ярко-голубой ткани поверх бедер. Голос гуманоида напоминал рычание, при появлении Мартина он бросил на него подозрительный взгляд, но продолжил рассказ:

– И я побрел цветочными полянами, срывая один цветок за другим... Но не было среди них розового лепестка желаний... И тогда я решил вернуться к любимой и пошел по своим следам... Но травы сомкнулись и заплели мой путь... Солнце вошло в антифазу, и черный свет окутал мир... Я звал, но тишина была мне ответом...

Мартин принужденно улыбнулся ключникам и пошел к лестнице. От Чужого шел острый пряный запах – тревожный и неприятный. Вспышки маяка ложились на каменную площадь перед Станцией нервозным цветным стробоскопом, перебивая даже свет полуденного солнца.

– Здесь грустно и одиноко, странник... – сказал ключник за его спиной. – Я слышал такие истории много раз...

– Ты издеваешься надо мной, ключник! – проревел Чужой. – Я поведал тебе тайну своего изгнания!

– Я слышал такие истории много раз... – печально сказал ключник. – Здесь грустно и...

Свист рассекаемого воздуха заставил Мартина пригнуться и отскочить к перилам, к ногам курящего трубку ключника. Тяжелый удар, хруст дерева, звон бьющейся посуды... Мартин поднял глаза – ключник прочищал трубку.

Мартин обернулся.

Стол был расколот, фарфоровые чашки валялись на полу. Молодой ключник печально разглядывал разгром.

Вспыльчивого Чужого больше не было.

– Не надо пугаться, – сказал Мартину курильщик. – На территории Станции никто и никому не причинит вреда.

– Привычка, – сказал Мартин, вставая. – До свидания.

Пряный запах Чужого еще не развеялся в воздухе. Мартин задержал дыхание, проходя мимо разломанного стола. Маяк над головой все слал и слал в пространство волны цветного света.

Мартин вышел на площадь.

Станция была построена на круглом каменном острове с полкилометра диаметром. Здесь не росло ни одной травинки, шершавый серый камень походил скорее на бетон, чем на природный материал. Во все стороны от каменного островка расходились узкие каналы – один-два метра шириной. Каналы соединялись протоками, каналы ветвились и образовывали заводи, каналы покрывали весь мир до горизонта и дальше. Вся планета – лишь камень и вода, мертвая карикатурная Венеция. Островок, на котором стоял Мартин, был самым большим участком суши на Библиотеке. Самый маленький островок – двадцать на двадцать сантиметров, а в основном размеры тверди колебались от пяти до двухсот квадратных метров. На каждом островке стояли обелиски – граненые каменные столбы толщиной в руку и высотой около полутора метров. Иногда – всего лишь один столб. Иногда – сотни. На каждом обелиске была выгравирована одна-единственная буква. Букв насчитывалось шестьдесят две... впрочем, не исключался вариант, что сюда входили и знаки препинания, и цифры.

Мартин постоял, оглядывая бесконечный лес каменных фаллосов. Он никогда не бывал на Библиотеке, но в свое время прочитал немало статей об этой странной планете. На первый взгляд планета была исполнена того очарования, которое многие находят в кладбищах и развалинах. Чистый, свежий, но неживой воздух. Тихо плещущая в каналах вода. Кое-где на островках виднелись признаки жизни – подымался вверх легкий дымок, между удачно стоящими столбами натянуты тенты и палатки.

Мартин поежился – не от холода, погода была теплой, а от таившейся в обелисках мрачности. Он никогда не понимал очарования руин. Открыв футляр с карабином, Мартин быстро собрал оружие, передернул затвор и пошел к берегу – туда, где через канал был переброшен каменный мостик. Не мудрствуя лукаво, его соорудили из трех поваленных столбов.

Навстречу ему двинулись трое аборигенов. Человек и двое Чужих – геддар и неизвестное Мартину тюленеобразное существо, ползущее по краю канала с опущенным в воду ластом. Приглядевшись, Мартин заметил еще одного тюленоида, плывущего под водой.

– Мир вам, – поприветствовал Мартин встречающих, не выпуская винтовки из рук. Он остановился перед мостиком.

Геддар и человек переглянулись. Они казались здесь главными – возможно, на основании меча геддара и дробовика человека. Руки геддара были скрещены на груди – стойка ожидания, из которой максимально удобно выхватить меч.

– И тебе мир, – сказал человек. Он был худ, но не истощен. Европейец, лет сорока или старше. Одежда потрепанная, но не рваная и не грязная, человек выглядел следящим за собой. – Мы представляем администрацию Библиотеки.

Мартин кивнул. Он знал, что настоящего правительства на Библиотеке не было – этот мир не слишком-то располагал к организованной общественной жизни. Но какое-то подобие власти возникает в любом месте, где разумные существа собираются в количестве более двух.

– Как долго вы рассчитываете пробыть на Библиотеке? – продолжал человек.

– Сколько понадобится.

Человек улыбнулся. Почему-то у Мартина сложилось четкое ощущение, что «представитель администрации» нашел бы что рассказать ключникам.

– У нас есть правила, – продолжил человек. – Они просты. Отказ от насилия. Недопустимость сексуальных домогательств. Воровство карается смертью. Рекомендуются пожертвовать в общественный фонд часть имеющихся у вас вещей.

– Бог велел делиться, – согласился Мартин. Сбросил одну лямку рюкзака, перебросил карабин в освободившуюся руку, снял рюкзак. Растянул шнуровку и достал из рюкзака объемистый пакет. Перебросил через канал – к ногам геддара.

Местные с любопытством смотрели на него.

– Пищевые концентраты, ткань, швейные принадлежности, лекарства, таблетки сухого горючего, спички, солнечная батарейка, последние три номера «Дайджеста для путешественников», – сообщил Мартин. – Это ровно половина моего снаряжения.

Представитель администрации и геддар переглянулись. Мартин с удовольствием увидел на лице человека улыбку. Геддар опустил руки. Тюленоид издал тихий воркующий звук, развернулся и мягко скользнул в канал.

– Рад приветствовать опытного путешественника, – сказал человек. Шагнул на мостик, протянул Мартину руку. – Давид.

– Мартин.

Геддар лишь кивнул – для того чтобы он назвал свое имя, требовалось куда больше взаимного доверия и симпатии.

– Что-нибудь очень интересное на Земле случилось? – сразу же спросил Давид.

Мартин покачал головой.

– За «Дайджест» спасибо, – сказал Давид. – Мало кому приходит в голову захватить газеты. Кто вы, Мартин?

– Полагаю, меня можно назвать стряпчим, – улыбнулся Мартин. – Или почтальоном.

– Или детективом, – задумчиво сказал Давид. – А знаете, я ведь слышал о вас. Да?

Мартин покачал головой:

– Наверное, вы ошиблись.

Давид усмехнулся:

– Что ж, возможно. Но я бы советовал вам быть осторожнее. Я и мой друг, – он кивнул на геддара, и Мартин напрягся, – находимся здесь по своей воле. И если захотим – сможем вернуться. Но многие застряли намертво... если они узнают, что на планете появился Ходок...

Давид сделал многозначительную паузу. Мартин никак не отреагировал. Честно говоря, его куда больше занимал геддар, позволивший человеку назваться другом. Что-то очень серьезное связывало эту пару.

– Чем я могу вам помочь, Мартин? – спросил Давид.

– Я ищу девочку, прибывшую на Библиотеку три дня назад, – ответил Мартин. – Ей семнадцать-восемнадцать лет. Симпатичная, рыжеволосая, примерно моего роста...

Давид кивнул, не дослушав.

– Да, помню. С другого я потребовал бы плату за информацию... здесь нелегко живется, ресурсы ограничены. Но вы серьезный человек, и вы мне нравитесь. Девочка ушла на запад.

Он махнул рукой, указывая направление.

– Что там находится? – спросил Мартин.

– Один из трех поселков, где живут ученые. – Давид фыркнул. – Вы можете смеяться, но население Библиотеки по-прежнему составляют идиоты, жаждущие раскрыть тайну планеты. Самый большой поселок расположен здесь, у Станции. Мы называем его просто – Столица. Население – семьсот тридцать две разумные особи. Сто четырнадцать людей, тридцать два геддара и Чужие.

Мартин снова отметил этот поразительный факт – Давид подчеркнул альянс между людьми и геддарами.

– Второй поселок, Центр, населяют около двухсот разумных. Он расположен на севере, – продолжал Давид. – Хорошее место, мы с ними дружим. Но девочка пошла в самый маленький поселок, Энигму, расположенный строго на западе от нас. Население Энигмы чуть больше ста человек.

Он сделал паузу и повторил:

– Именно «человек». Чужие там не приветствуются. Нам это не нравится, но мы не хотим конфликтов.

Мартин кивнул. Он знал о существовании трех поселков на Библиотеке, но политический расклад был ему неизвестен.

– Вся остальная территория планеты безлюдна?

Давид пожал плечами:

– Не стал бы так говорить. Есть отшельники, сумасшедшие, одиночки... они селятся поблизости, но почти не вступают с нами в контакт. Каких-либо банд или опасных одиночек нет... вы ведь этим интересуетесь?

– Да, – признался Мартин.

– По большому счету здесь безопасно, – сказал Давид. – Единственные формы жизни на планете – рыбы, водоросли и ракообразные в каналах. Ни одна форма жизни не ядовита и не агрессивна, все пригодны в пищу для людей... о вкусе спорить не станем. Иногда, раз в два-три месяца, кто-нибудь бесследно исчезает, но я склонен отнести это к разряду несчастных случаев. Каналы достаточно глубоки, чтобы утонуть, а местные раки сожрут тело с таким же удовольствием, как вы съедите их.

– Еще что-нибудь интересное? – спросил Мартин.

Давид улыбнулся и покачал головой:

– Вряд ли вам интересны наши научные изыскания и диспуты, верно? Населявшая эту планету раса древнее самих ключников, но после нее не осталось ничего – только каналы, острова и обелиски. Каждую неделю кто-нибудь начинает вопить, что расшифровал их язык. Каждый раз это оказывается ошибкой. Мы пока не теряем надежды.

– Вы лингвист? – уточнил Мартин.

– Это только хобби. – Давид покачал головой. – Я биолог, прибыл сюда, чтобы изучать местную живность. Здесь уникальный биоценоз – девять видов животных и три вида водорослей составляют великолепную устойчивую систему. Причем любая белковая раса способна питаться местной живностью. Вода в каналах чуть солоновата, но прекрасно утоляет жажду. Бывают дожди, но сильных бурь никогда не случалось. Температура колеблется от двенадцати до двадцати девяти по Цельсию.

– Искусственная система, – сказал Мартин.

– Разумеется. – Давид расплылся в улыбке. – Те, кто населил этот мир, создали условия для выживания любой гуманоидной расы. И... ушли? – Он развел руками. – В любом случае, если удастся расшифровать письма на обелисках – это будет огромным научным достижением.

Геддар, до того стоявший совершенно неподвижно, нагнулся. Подхватил с земли пакет со снаряжением.

– Еще два вопроса, – быстро сказал Мартин. – Как далеко до Энигмы?

– Двадцать три километра. Для опытного человека – пять-шесть часов ходьбы. Для вас – часов восемь.

Мартин посмотрел на небо, и Давид добавил:

– До заката четыре часа. Темнота наступит почти сразу, у планеты нет спутников, а воздух очень чист. Я посоветовал бы вам переночевать в поселке. За кусочек шоколадки или пару пакетиков чая вас пустит на ночлег и накормит печеной рыбой любая семья.

– Второй вопрос, – игнорируя предложение, сказал Мартин. – Каково ваше впечатление от девочки, ушедшей в Энигму?

Давид неожиданно замаялся. Посмотрел на геддара – и тот вдруг совсем по-человечески пожал плечами.

– Странная, – сказал Давид. – Совсем молоденькая, сказала, что первый раз прошла Вратами. Я ей верю. Но она держалась очень уверенно, сразу же уточнила дорогу к Энигме...

Он помолчал и добавил:

– А еще у нее была заранее отделена половина снаряжения. Как у вас, Мартин. И мне показалось, что все вопросы она задает для порядка... уже зная ответ.

– Спасибо, – задумчиво сказал Мартин. – Пожалуй, я рискну отправиться в путь немедленно.

Мартин перешел через мостик. Забросил карабин на плечо. Они с Давидом еще раз пожали друг другу руки. Геддар вежливо кивнул.

И Мартин двинулся в путь.

Столица и впрямь выглядела крупным поселком. Размер островков позволял селиться на каждом лишь нескольким людям, большая часть населения и впрямь образовывала какое-то подобие семей. Мартин старался идти по маленьким островкам, обходя крупные, с палатками и тентами. Часто встречались мостки, сложенные из несчастных обелисков. Над некоторыми островками полоскались привязанные к обелискам вымпелы, играющие роль импровизированных вывесок, – Мартин обнаружил медпункт, два магазинчика, парикмахерскую, кое-что еще. Особенно смешно и трогательно выглядела церковь со стенами из противомоскитной сетки.

Комаров, насколько было известно Мартину, тут не водилось.

В нескольких местах каналы расширялись до пяти-шести метров. В таких местах стояли сети, а один островок с большой заводью использовался как пляж и место для купания – на солнышке нежились три откормленные загорелые нудистки. Нагота здесь никого не смущала. Голый мальчик шел по пляжу, рядом в канале плыл тюленоид, периодически выбрасывая на берег моллюсков. Пацан собирал ракушки в целлофановый пакетик. Нудистки с любопытством разглядывали Мартина и что-то негромко обсуждали, мальчишка с завистью уставился на карабин, пока тюленоид не привлек его внимание долгим свистом.

Общее впечатление от планеты складывалось благоприятное. Большинство миров, которые колонизировались несколькими расами одновременно, вырабатывали ту или иную форму демократического существования. Бандитские или деспотические миры возникали лишь на совсем нищих или на слишком богатых планетах. Библиотека была миром минимализма – здесь нетрудно выжить, но невозможно разбогатеть.

Минут через двадцать Мартин вышел за пределы поселка. Его никто не окликнул и никто не остановил. Может быть, из-за карабина за спиной, а может быть, Давид с геддаром поддерживали в Столице хороший правопорядок. Идти стало, с одной стороны, легче – не требовалось обходить населенные островки, а с другой – тяжелее, потому что мостов больше не встречалось. Через узкие каналы Мартин перепрыгивал – камень островов был шероховатым

и удобным для разбега, – широкие приходилось обходить. Давид не лгал, оценивая скорость Мартина, скорее даже переоценил ее. Но Мартина это не смущало.

Нет ничего приятнее неспешной прогулки по чужой, неизведанной планете – если не боишься пристроившегося за спину хищника или пули из засады. Мартин, будучи опытным странником по иным мирам, бдительности не терял, по сторонам поглядывал, но лишнего не опасался. Каменные обелиски были слишком тонки, чтобы за ними кто-то сумел укрыться. В воде каналов могли обитать тюленоиды или иная форма разумной жизни, но водные формы жизни обычно более миролюбивы. Куда больше опасений вызывала у Мартина цель путешествия – поселок людей-шовинистов.

Странное дело, чтобы избыть межнациональные распри, Земле потребовалось всего ничего – встретить Чужих. Все подозрения, вся неприязнь были немедленно перенесены на клыкастых, чешуйчатых, мохнатых, скользких пришельцев. Исключением оказались лишь ключники – их спокойная мощь внушала всеобщее уважение. Какие страхи терзали человечество в первые дни Контакта – особенно после ядерной атаки американскими ВВС корабля-матки! А ключники даже не заикнулись про «досадный инцидент», предоставив президенту США расшаркиваться в извинениях и наказывать спешно назначенных стрелочников. Напротив – помогли очистить зараженную территорию и презентовали лекарства от лучевой болезни. С тем же снисходительным равнодушием они относились к террористам, несколько лет безуспешно пытавшимся уничтожить Станции. Помогла, конечно, и та «арендная плата», которую ключники исправно выплачивали странам, на чьей территории разместились Врата. Можно было сколько угодно возмущаться оттяпанным куском Москвы, испорченным видом на статую Свободы, серьезно уменьшившимся Кенсингтонским садом, смещенной в сторону тысячелетней пекинской пагодой... Но при строительстве Станций не было ни одной жертвы, ключники благоразумно не тронули ни одну религиозную святыню, а щедро предоставленные технологии покончили с энергетическим кризисом, голодом и несколькими наиболее неприятными болезнями. Ключники не вступали в юридические споры. Ключники взяли то, что им требовалось, – четырнадцать участков в самых важных городах Земли. Ключники стали платить за то, что взяли. Ключники потребовали обеспечить доступ к Станциям всех желающих. Ключники стали взимать с туристов плату интересными историями. И все! Никаких официальных контактов, кроме необходимого минимума. Никакой торговли, кроме мелких закупок продовольствия и табака. И дары свои ключники не обсуждали – давали лишь то, что считали нужным. И о себе они ничего не рассказывали. И на всех мирах, до которых дотянулись их звездолеты, вели одну и ту же политику.

Нет, на ключников давно уже никто не реагировал. С ними свыклись как с явлением природы, научились не замечать неудобства и ценить выгоду – благо последней выходило куда больше. Сложнее обстояло дело с другими расами. Встречались среди них цивилизации и отсталые, и более развитые, чем земная. Почти всем было свойственно любопытство и стремление посмотреть на чужие миры. Вот на них-то и выплескивалась вся неприязнь людей к чужакам – иногда явная и оправданная, иногда скрытая и ничем не мотивированная.

Но Мартин привык считать, что все шовинисты предпочитают жить на Земле или на немногочисленных земных колониях. Группа шовинистов, поселившаяся среди Чужих, – явление странное, нелогичное. И уж тем более среди людей образованных, стремящихся к научным открытиям и разгадке тайн мироздания! На Библиотеке нечего делать авантюристам и любителям наживы, это рай для бессребреников, любителей чистого, академического знания. Ну что за нелепость – ученый-шовинист, ученый-фанатик, ученый-ксенофоб! Есть замечательная тайна – цивилизация ключников. Есть множество тайн помельче, среди которых и Библиотека. Так почему бы не изучать загадки вместе?

Рассуждая так, Мартин на самом деле вовсе не страдал идеализмом – качеством при его профессии редким и губительным. Доводилось ему встречать фашистов со сколь угодно разви-

тым интеллектом, доводилось видеть и людей простых, темных, обладавших при том великой терпимостью и благоразумием. Внутреннее брюзжание Мартина было скорее отдыхом для ума и средством поддержать в душе спокойствие. Ведь давно известно, что, резко осуждая чужие недостатки, мы становимся сами к ним склонны, в то время как наивное удивление помогает сторониться порока.

Спустя пару часов Мартин решил раздеться. Снял и спрятал в рюкзак футболку, у крепких туристических брюк отстегнул штанины, превратив их в шорты-докерсы. Ботинки оставил – рубчатая подошва хорошо держала при прыжке. Мартину вовсе не улыбалось поскользнуться, приложиться головой о ближайший обелиск и пополнить ряды бесследно пропавших. Воспользовавшись перерывом, он пообедал – сухими финскими галетами из ржаной муки, твердым сладковато-пресным швейцарским сыром эменталь и водой из канала. Вода и впрямь была солоноватая, но приятная на вкус – как хорошая минералка. Обелиски вокруг больше не раздражали и не вызывали кладбищенских ассоциаций, став привычной частью рельефа. Неподалеку плеснула в канале толстая желтобрюхая рыба, решив то ли глотнуть воздуха, то ли полюбоваться пришельцем. Мартин провел пальцем по стенке канала, соскреб немного зеленоватых водорослей. Попробовал на вкус. Ему не понравилось – слишком затхло и солоно, хотя отвращения и не вызывает. Он знал, что из водорослей на планете гонят какой-то алкоголь, но вот из каких именно – был не в курсе. Возможно, для браги использовались бурые ленты, которыми обросло дно канала, а возможно, мелкие пушистые листики, свободно дрейфующие по воде. В любом случае пиршества вкуса ожидать не приходилось – иначе на Землю экспортировали бы местные напитки. Возможно, даже это входило в замыслы неведомой расы, превратившей планету в огромный памятник.

Мартина немного занимал вопрос, известно ли что-нибудь ключникам о строителях Библиотеки. Но ожидать ответа не приходилось, и он отбросил пустые размышления. Может быть, планету создали сами ключники. Хотя бы ради шутки. Ведь никто не знал, что, собственно говоря, движет ключниками, тянущими сквозь галактику свою транспортную сеть. Возможно, извращенное чувство юмора? Склонность наблюдать за мечущимися меж звезд дикарями и их тщетными попытками понять происходящее? Тоже версия, ничуть не хуже любой другой.

Но Мартин считал себя практиком и в размышления вдаваться не стал, а сверил направление по компасу и двинулся дальше. Солнце постепенно склонилось, поползло за горизонт. Сразу же стало темнеть. В воздухе планеты почти не было пыли, чтобы обеспечить нормальные сумерки. Мартин остановился на первом же крупном островке, разбил маленькую палатку и разжег под котелком спиртовку. Кружка горячего горохового супа из пакетика, сдобренная крошечным ржаных сухарей; кружка крепкого цейлонского чая, не слишком изысканного, но терпкого и ароматного, – вот и все, что нужно человеку перед сном.

Засыпая, на всякий случай – с карабином под рукой, Мартин размышлял о девочке по имени Ира, которая так уверенно вела себя на чужой планете. И перед тем как провалиться в сон, Мартин смог наконец-то сформулировать неприятную мысль, терзавшую его последние сутки.

В комнате Иры Полушкиной он не увидел ничего, что вызвало бы его удивление. В ее дневнике и письмах нашлось только то, что он ожидал встретить в дневнике и письмах семнадцатилетней девушки. Папа-бизнесмен с редким в российских широтах именем Эрнесто обрисовал свою дочь совершенно точно.

А такого не бывает.

Никогда!

Мартин с шипением выдохнул через сжатые зубы, сбрасывая досаду. Все-таки его провели. Он еще не знал, как именно, но теперь был готов выяснить ситуацию до конца.

С этой серьезной мыслью уважающего себя человека Мартин и заснул.

4

Выглянувшее из-за горизонта солнце застало Мартина в сборах. Часы, простые и надежные «Casio-tourist», он поставил на время Библиотеки еще в Станции, и они разбудили его перед рассветом. Когда совсем развиднелось, Мартин уже двигался дальше. Неспешный шаг, разбег, прыжок через канал... неспешный шаг, разбег... Тень Мартина стлалась перед ним, пугая рыбу в каналах за миг до прыжка и служа простым, надежным ориентиром. Вскоре тень ужалась, подползла к ногам, и Мартин стал чаще сверяться с компасом. По его ощущениям поселок был где-то рядом.

И все-таки он вышел к Энигме неожиданно. Поселок оказался совсем маленьким – не больше двух десятков палаток, расположенных очень кучно, по несколько штук на островке. Две женщины, одетые в длинные ситцевые платья, жгли костер из прессованных в брикеты сухих водорослей. На огне натужно готовился закипеть котел с варевом. Приближающегося Мартина они восприняли спокойно – лишь одна заглянула в большую оранжевую палатку, что-то сказала и вернулась к работе.

Мартин замедлил шаг и подошел к женщинам. Все человеческое население Библиотеки отличалось бронзовым загаром, но эти поварихи выглядели смуглыми скорее от природы, чем от солнца. Мартин решил, что в женщинах течет кровь североамериканских индейцев.

– Мир вам! – крикнул Мартин, поднимая руки в приветствии.

– И тебе мир, – отозвалась одна из женщин, улыбнулась, кивнула на палатку. – Зайди к директору, путник.

– Может быть, ты хочешь перекусить с дороги? – добавила вторая.

Мартин покачал головой и двинулся в обитель директора. В палатке оказалось неожиданно прохладно – приятная мелочь после надоевшего солнца. Пол покрывали сухие водоросли, видимо, те же самые, что жгли в костре. В углу возился с яркими пластиковыми кубиками смуглый черноволосый ребенок лет двух. Мартин показался ему более интересной и свежей игрушкой – засунув пальчик в рот, дитя уставилось на пришельца.

Директор сидел на раскладном пластиковом стуле перед таким же «дачным» столиком. Перед ним стоял включенный ноутбук, прямо на полу валялись исписанные и покрытые распечатками листы. Директору было за сорок, в отличие от женщин он был одет лишь в шорты. Телосложением он походил на спортсмена-легкоатлета, а не на ученого, но по крошечным клавишам ноутбука колотил с проворством и сноровкой.

На Мартина директор посмотрел с таким же неприкрытым интересом, как и младенец. Вот только палец в рот засовывать не стал, а, опасно откинувшись на хрупком стуле, выждал красивую паузу.

Мартин молчал и улыбался.

Убедившись, что начинать разговор придется ему, директор встал и протянул руку:

– Клим!

– Мартин! – с той же энергичностью откликнулся Мартин. – Тьфу. Мартин!

Секундная растерянность директора сменилась жизнерадостным смехом. Крепко пожав руку Мартина, он жестом предложил сесть на пол. Мартин это оценил – стул в палатке был лишь один и служил скорее символом власти, чем мебелью. Они уселись на корточки друг напротив друга. Младенец тихонько пополз по кругу, изучая Мартина со всех сторон.

– Ты же русский, Мартин? – поинтересовался Клим. – Видел старую комедию «Операция „Ы“»?

– Видел, – признался Мартин.

– Когда Шурик знакомится с девушкой и вместо «Шурика» называется Петей. – Клим расхохотался. – Полная ведь нелепость, а смешно!

Мартин дипломатично кивнул.

– Да, – пробормотал Клим. – Признаю, аналогия не совсем уместна, но все же... Ты только что прибыл?

– Вчера под вечер, – ответил Мартин.

– И сразу же двинулся к нам. – Клим покивал. – Ты не ученый.

– Университетов не кончали, – в тон ему ответил Мартин. – Три класса церковно-приходской.

Клим поморщился:

– Брось, высшее образование у тебя на лбу написано. Гуманитарий... – Он задумался. – Нет, не врач... не журналист, не филолог... Что-то очень дурацкое. Психолог? Нет...

– Литинститут, – сказал Мартин.

– О как! – изумился Клим. – Прозаик в поисках сюжета? Эпохальный роман «Тайны Библиотеки»?

Мартин решил играть начистоту.

– Частный детектив.

– И лицензия есть? – заинтересовался Клим.

– Есть. Показать?

Клим замахал руками:

– Зачем? Верю. Лучше скажи, что ты ожидал здесь увидеть? Фашистский вертеп? Гнездо людей-шовинистов? Дом отдыха для сумасшедших ученых?

– В Столице мне сказали, что ваш поселок не принимает Чужих, – уклончиво ответил Мартин. – Это, конечно, наводит на размышления...

– Давай без непоняток, – резко меняя манеру беседы, отозвался Клим. – Мы не психи, орущие о чистоте человеческой крови. Мы уважаем Чужих. Но Библиотека – это ключ к древним знаниям. Раса, которая овладеет ими, сможет превзойти даже ключников. Вот потому мы и отделились от прочих исследователей. Тайна должна принадлежать человечеству.

Мартин подумал и спросил:

– А когда человечество превзойдет ключников, как вы поступите с Чужими?

Клим поморщился:

– К чему делить шкуру неубитого медведя? Решать будем не мы... но я уверен, что человечество не станет подавлять и уничтожать иные расы. Мирное сосуществование, торговля, гуманитарная помощь... А вот за Чужих я не поручусь. Вы готовы поручиться?

Мартин покачал головой.

– То-то и оно. Итак, – подытожил Клим, – мы не фашисты. Мы лишь проявляем осторожность. Теперь, если мне удалось снять предвзятость, скажите, уважаемый детектив, что вас привело на Библиотеку?

– Девочка по имени Ирина, – сказал Мартин.

Лицо Клина исказилось, будто Мартин напомнил о чем-то неприятном и постыдном. Он даже отвел глаза, заметил ребенка, подбирающегося к одной из распечаток, ловко подхватил его, развернул в противоположном направлении и дал легкого шлепка. Убедившись, что урок усвоен и дитя движется в сторону от драгоценных научных документов, снова посмотрел на Мартина:

– Небось безутешный муж оплатил поиски?

– Это профессиональная тайна, – отозвался Мартин. – Отец.

Клим вздохнул:

– Железный человек. Героический родитель. Уважаю.

– Все так плохо? – сочувственно спросил Мартин.

– Девочка к нам явилась три дня назад, – ответил Клим. – Я ожидал обычных проблем... молоденькая, красивая, а мужиков у нас, конечно же, больше, чем женщин... Поговорил с

ней, поговорил с нашими... тут все обошлось. Попкой, конечно, излишне крутит, но явно не провоцирует. Беда пришла откуда не ждали. Она перессорила всех ученых, и ее формы тут были ни при чем.

– Неужели на научной почве? – восхитился Мартин.

– Именно. Девочка в пух и прах разбила две теории из трех, которые считались у нас самыми перспективными... Если интересно – это теория единого уравнения Вселенной и солнечный цикл чтения...

Мартин непонимающе поднял брови.

На лице Клима появилось страдальческое выражение профессора физики, объясняющего сыну-школьнику законы Ньютона.

– Язык Библиотеки – это фонетическое письмо, – сказал он. – Трудности даже не в том, что мы не можем пока с уверенностью соотнести символы на обелисках с теми или иными звуками. Главная проблема – как эти буквы складываются в слова, а слова – в предложения. Теория солнечного цикла предлагает начинать чтение с какого-нибудь восточного обелиска, затем, когда его тень точно укажет на другой обелиск, – добавить новый знак, посмотреть на тень от второго обелиска...

– А когда солнце будет в зените – поставить точку в предложении, – любезно подсказал Мартин.

Клим заерзал, буркнул:

– Все гораздо сложнее, но в целом вы поняли... Теория единого уравнения Вселенной гласит, что язык Библиотеки – это на самом деле математические символы, в едином уравнении описывающие все законы мироздания. Его еще называют Уравнением Бога. Девочка камня на камне не оставила от этих теорий. А поддержала мою точку зрения, что язык Библиотеки родственен туристическому языку. Вы знаете, сколько в нем букв?

Мартин задумался. Как ни смешно, но знание туристического вовсе не предполагало понимание его грамматики. Любой, прошедший Вратами, начинал говорить на туристическом – совершенно свободно и непринужденно.

– В такой же тупик станет ребенок, который уже прекрасно умеет говорить, но не обучен чтению и грамматике, – сказал Клим. – Можно научиться счету – интуитивно, не раздумывая. Но выделить и систематизировать все звуки языка, соотнести их с буквами – это уже предмет научного поиска.

Мартин поднял руки. И сказал – языком жестов, складывая кисти рук с отведенными на девяносто градусов большим пальцем:

«Мы знаем чтение и грамматику. Язык жестов – это и есть азбука туристического».

«Правильно, – безмолвно ответил Клим. – Это так естественно, что мы не задумываемся об этом. Но нас научили азбуке. В туристическом языке сорок семь букв, тринадцать знаков препинания и два числительных. Ноль и единица, двоичный код».

Ребенок, подозрительно уставившийся на взрослых, негромко, предупреждающе заревел.

– Не любит, когда говорят на туристическом жестовом, – пожаловался вслух Клим. – Русский и английский понимает, туристический тоже, а язык жестов – еще нет. Он родился здесь, Вратами не проходил.

– Так в чем проблема? – спросил Мартин. – Даже мне, полнейшему профану, ясно, что язык Библиотеки привязан к туристическому. И, наверное, каждый жест имеет сходство с одним из знаков на обелисках?

– Сложность опять же в направлении чтения, – пояснил директор. – Мы пытались читать расположенные рядом обелиски, пробовали различные направления и комбинации... ничего вразумительного. Лепет ребенка, псевдоречь душевнобольного. Ирина заявила, что знает метод дешифровки. Сейчас большая часть населения поселка отправилась вместе с ней на «точку двенадцать» – это крупный остров, расположенный тремя километрами севернее.

– А вы остались здесь? – поразился Мартин. – В то время как величайшее открытие, быть может...

– Предложенный Ириной метод чтения обелисков я без лишней огласки пробовал два года назад, – сказал директор. – Это несложная корреляция между площадью островов и количеством знаков на них... Никакого результата.

– Вы ей не сказали об этом, – задумчиво произнес Мартин. – Что ж... вероятно, это правильно. Излишнюю восторженность надо лечить.

– Заберите ее отсюда, – сказал Клим. – Прошу вас. Если угодно, я даже подскажу несколько интересных историй для платы ключникам.

Мартин посмотрел в глаза директору:

– Научная ревность?

Клим покачал головой:

– Нет. Девочка, бесспорно, талантлива. Ее опровержение Уравнения Бога было блистательно красивым. Но ей надо учиться. И не здесь, где полно фанатиков и психопатов, а обелиски дразнят взгляд... Сегодня девочка убедится, что ее теория – вздор. Она не сломается, она начнет выдумывать новые подходы... и утонет в обилии материала, в ползании по скалам с рулеткой, в бесплодных спорах и обидах. Уведите ее, Мартин! Она повзрослеет и вернется – чтобы раскрыть тайну Библиотеки.

Мартин протянул директору руку:

– Договорились. Есть только одна проблема – захочет ли она уйти? Даже если мы ее свяжем и дотащим до Станции... вы же знаете не хуже меня: ключники пропустят во Врата лишь добровольцев.

– Мы ей поможем, – усмехнулся Клим. – Сейчас весь наш дружный коллектив вернется вместе с Ириной. Все будут злы и язвительны, насмешки посыплются градом. Особенно пострадают те, кого она успела обидеть. Если этого мало – я своей властью велю ей убираться вон... и назову дурой. Девочка гордая, она уйдет.

Мартин не знал, чего было больше в словах Клима – искренней тревоги за талантливую девочку, взявшую на себя груз не по силам, или ревности ученого, почуявшего сильного соперника. Но Библиотека – и впрямь мир не для взбалмошной семнадцатилетней девчонки. Лет через пять – и в этом Мартин был убежден – по каменным островкам бродила бы полуголая беременная женщина, за руку которой цеплялась бы парочка детей. И никакие тайны древних языков ее бы не интересовали. Всему свое время. В юности следует учиться и беситься, бороться с несправедливостью и потрясать мир... а перерывать горы пустой породы в поисках драгоценной крупички знания – привилегия зрелости.

– А теперь – обедать? – предложил Клим. – Вы уже пробовали местный рыбный суп?

...На обед собрались все жители поселка, не отправившиеся вместе с Ириной постигать тайны Вселенной. Клим и две индианки-поварихи (у Мартина сложилось четкое ощущение, что они обе – жены директора), десяток мелких ребятишек и два старика, видимо, приглядывающие за детьми в отсутствие родителей.

– Так и живем, – весело сказал Клим. – Коммуна своего рода. А что поделать? Нехватка ресурсов всегда приводит к извращенным формам общественного устройства.

Детям Мартин раздал по кусочку шоколада – старшие немедленно сжевали лакомство, младшие пробовали шоколад с опаской. Один малыш даже заревел, пуская коричневые слюни.

– Сладкого не хватает, – со вздохом признал Клим, первым поднося ложку ко рту. – Пытаемся варить патоку из кувшинок... но я постесняюсь предложить вам снять пробу. Сладости и хлеб – вот с чем тут проблема...

Мартин предложил взрослым галеты, поколебался и разделил по половинке галеты среди детей. Некоторое время все молча грызли редкий деликатес. Старики галеты сосредоточенно сосали, осторожно обмакивая их в рыбный бульон.

А суп и впрямь оказался вкусным! Густой, наваристый, с кусочками рыбы и моллюсками, с похрустывающими на зубах, будто капуста, лентами водорослей. Мартин съел две миски, поблагодарил женщин – и подарил им пакетик красного и пакетик черного перца.

Клим только покачал головой:

– Мартин, скажите, как часто вы странствуете между мирами? Вы третий на моей памяти человек, догадавшийся прихватить пряности.

– Очень часто, – признался Мартин. – Если кто-нибудь проводит меня до Станции, то я отдам вам все остатки припасов. Но только после того, как ключники примут мою историю.

– Непременно проводим, – улыбнулся Клим. – И письма вы захватите?

– Захватчу, – кивнул Мартин.

Облагодетельствованные специями индианки принесли пластиковую флягу литра на три. Разлили по кружкам мутную опалесцирующую жидкость – немного, граммов по пятьдесят. Мартин внимательно посмотрел, как пьет Клим – залпом, крикнув и закусив кусочком рыбы. Понюхал напиток – брага пахла рыбой и спиртом, но сивушных тонов почти не было. Глотнул – водорослевая самогонка обожгла нёбо, шершавым горячим комком прокатилась по пищеводу, но оставила неожиданно приятное свежее послевкусие.

– Явные тона мяты и аниса, – с удивлением отметил Мартин.

Клим гордо улыбнулся:

– Не коньяк, но пить можно. Вот для табака заменителей не нашли...

Мартин покорно достал пачку крепких французских сигарет. Взрослые граждане Библиотеки мгновенно расхватили «Житан» – кто по одной сигарете, а кто, виновато улыбаясь, по две-три. Ребенок постарше, потянувшийся к пачке, получил по рукам.

Приличия ради и Мартин закурил. Он предпочел бы сигару, спрятанную в рюкзаке для особых случаев, но дразнить людей не хотелось.

– Иной раз придешь к Станции, выждешь, пока ключник трубочку закурит, – скрипуче сказал один из стариков, – да и подойдешь для разговора... Что попало несешь, лишь бы дымку нанюхаться... хорошо, ключники терпеливые, слушают долго... когда и винцом угостят...

– А вот табаку никогда не предложат, – печально сказал второй старик.

– Они еще и марихуану покуривают, – заметила та индианка, что помоложе. Посмотрела на Мартина.

Мартин не пошевелился.

Выпили еще дважды по пятьдесят. После этого Мартин улыбнулся и отставил кружку. Никто не настаивал, да и местным вполне хватило. Дети разбежались – кто плескался в каналах, кто бдительно следил за малышами. Взрослые, кроме Клима, пустились в сбивчивый разговор. Друг про друга они все давным-давно знали, сейчас их интересовал лишь один слушатель – Мартин. Он узнал, что одного старика зовут Луи, он француз, физик, отправившийся на Библиотеку после того, как овдовел, – доживать остаток дней с пользой для науки. Второй старик оказался немцем, филологом, как и индианки. Те, кстати, были сестрами и действительно являлись женами Клима. Через час у Мартина сложилось ощущение, что он прожил на Библиотеке несколько лет. Самые занятные истории – о ночной рыбалке и разлившейся браге, о геддаре, который на спор рубил обелиск своим мечом, и о сумасшедшем, явившемся на Библиотеку в поисках несуществующих «древних технологий», – стали идти по кругу. Сестры завязали скучный профессиональный спор о знаке препинания, означаемом «я говорю с иронией, не относитесь к моим словам слишком серьезно».

– А вот и наши идут, – сказал наконец Клим.

Мартин поднялся, посмотрел на север.

И впрямь – шли. Около сотни человек: мужчины и женщины, подростки и старики. Очень смешно было наблюдать за этим шествием, нестройной колонной вытянувшимся на сотню метров. Над толпой постоянно поднимались головы – это кто-то перепрыгивал через канал. Люди казались не то толпой сумасшедших танцоров, тренирующихся перед групповой пляской, не то усталыми бегунами на трассе с препятствиями.

– Где там наша Ирочка, – насмешливо сказал Клим, встав рядом с Мартином. – О! Вот она. Впереди. Правда, уже не на лихом коне.

Мартин тоже заметил Ирину и с понятным любопытством взгляделся в приближающуюся девушку. Ирина оказалась выше, чем ему представлялось по снимкам и видеозаписям. Рыжие волосы, которые на Земле лежали ниже плеч, были коротко пострижены. Одежда – простая и рациональная: кроссовки, шорты защитного цвета и темно-серая футболка. А ведь какие шикарные платья носила...

Но больше всего Мартина занимало лицо Ирины. Да, она действительно потерпела поражение – это было видно сразу. И по плотно сжатым губам, и по слишком сосредоточенному, отгоняющему слезы взгляду. Да и заметная дистанция между Ирочкой и остальными людьми свидетельствовала о положении низвергнутого кумира.

– Халиф на час... – подтвердил его мысль Клим. – Или как там зовут жен халифа? Ладно, пусть будет принцесса на час...

– Принцесса на бобах, – сказал Мартин. – Надеюсь, ее не побили?

Клим возмущенно фыркнул:

– Мы тут малость одичали, но все-таки остались культурными людьми. А вот бобы у нас – праздничное лакомство, так что идиома утратила смысл.

В поселке люди стали расходиться. Кто-то нырнул в палатки, кто-то остановился в отдалении. Десяток человек с виноватыми лицами приблизились к Климу – это предавшие вождя последователи спешили искупить грехи.

Ирина тоже направилась напрямик к директору. Остановилась, подойдя почти вплотную. И выпалила:

– Ты! Ты знал, что я ошибаюсь!

Мартин оценил и темперамент девушки, и тон, которым она произнесла свое обвинение.

– Ирина, ты ни о чем меня не спрашивала, – холодно ответил Клим. – Ты ведь заявила, что у нас давно окостенели мозги? И что ты одна знаешь истину? Что ж, я тебе не мешал. Как успехи?

Секунду девушка стояла, с негодованием глядя на директора. Мартин тихонько вздохнул: не для Ирины такие поединки, не было у нее опыта подковерной борьбы, интриг, защиты курсовых и диссертаций, заваленных оппонентов и привлеченных сторонников – короче говоря, всего того, что составляет могучий ствол научного древа, на котором только и могут зазеленеть робкие листики знаний.

– Вы меня убили, – тихо сказала Ирочка. В ее глазах показались слезы.

И тут же Клим шагнул вперед, крепко взял вздрогнувшую Ирину за плечи – и совершенно другим голосом сказал:

– Ира, ты умница. Ты нашла очень интересные закономерности. Если кто-то и сможет раскрыть загадку Библиотеки, так это ты. Но реку нельзя преодолеть одним прыжком. Надо учиться плавать.

Мартин мысленно заплодировал. Растерянная Ирочка сразу утратила весь боевой дух и совсем по-детски смотрела на директора. А тот, ласково, словно отец, погладил ее по голове и продолжил:

– Я напишу письмо заведующему кафедрой иностранных языков МГУ профессору Паперному, он мой хороший старый друг. Попрошу, чтобы тебя приняли без всяких экзаме-

нов... Впрочем, тебе не составит труда их сдать. Ирина, я очень хочу, чтобы ты встала в наши ряды. И через пять лет мы будем ждать тебя здесь, на этом самом месте. Веришь мне?

Ирина кивнула, не отрывая взгляда от Клима. А тот, все с той же мягкой интонацией, добавил:

– Ты не представляешь, как быстро пролетят пять лет... и как многого ты сможешь добиться, обогатив свою память всем знанием, выработанным человечеством...

Он на миг прижал Ирину к себе и нежно поцеловал ее в лоб. Но Мартин отметил, что рука Клима все-таки дрогнула на спине девушки и непроизвольно, совсем не по-отечески, поползла вниз, к хорошенькой крепкой попке.

Впрочем, Клим тут же опомнился, отстранился от Ирины и с улыбкой сказал:

– А у нас гости! Это Мартин, он только что с Земли... и хочет поговорить с тобой.

Девушка машинально сделала шаг в сторону Мартина. Что ж, Клим и впрямь замечательно сделал свою часть работы...

– Здравствуй, Ирина, – сказал Мартин. Доброжелательно, но без улыбки или явной симпатии. – Твой отец попросил навестить тебя.

Ира молчала, хмурясь. Ее глаза еще влажно поблескивали, но слезы так и не родились. За спиной Ирины Клим распекал провинившихся ученых:

– Сети стоят со вчерашнего вечера, мы что же, соскучились по тухлой рыбе? Катрин, у твоего малыша болит живот, он уже трижды бегал к туалетному каналу. Все, кто хочет отправить письмо на Землю, могут подойти ко мне за бумагой. Не больше одного листа на человека!

Может быть, Клим и не был великим ученым. Но администратором он был хорошим. Толпа рассеивалась на глазах, жизнь в поселке входила в привычное русло.

– Не буду уговаривать тебя вернуться, – продолжал тем временем Мартин. – Но Клим, как мне кажется, дал хороший совет. Если ты решишь ему последовать, то я помогу тебе с историей для ключника...

Ирина вздохнула. Чуть-чуть улыбнулась, глядя на Мартина – с куда большим пониманием происходящего, чем можно было ожидать от девчонки ее лет. И сказала:

– Я...

Совсем рядом в канале плеснула вода. Мартин обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть вынырнувшего до половины тюленоида. Черная шкура мокро блеснула на солнце, резко махнул сильный ласт – и что-то маленькое просвистело в воздухе.

Ира Полушкина вздрогнула, вытягиваясь словно от удара током, и замолчала. Из открытого рта тонкой ровной струйкой потекла темная кровь. Все так же прямо, не сгибаясь, девушка упала ничком – и Мартин с содроганием увидел окровавленный серый шип, вонзившийся в ее шею где-то возле седьмого позвонка.

Тюленоид с плеском погрузился в воду.

В следующий миг все вокруг смешалось. Кричали взрослые, ревели дети, в руках Клима откуда-то появился пистолет – и он бежал вдоль канала, всаживая в воду пулю за пулей. Одна из индианок склонилась над Ирой. Другая, со здоровенным кухонным ножом в руке, перепрыгнула через канал и побежала – видимо, к той точке, мимо которой тюленоид неизбежно должен был проплыть. Мартин бросился вслед за ней, и это оказалось правильным решением.

Тюленоид мчался в канале со стремительной грацией истинно водного обитателя. За ним, будто дым, стлалась темная пелена – одна из пуль Клима нашла цель. Мартин выждал секунду, давая рукам привыкнуть к тяжести «ремингтона», а потом открыл огонь.

Он попал с третьего выстрела – в ласт, как и целил. Тюленоид завертелся на месте, выгибаясь, будто в попытке укунить раненое место. Индианка одним движением сбросила платье, пригнулась для прыжка, перехватила нож поудобнее и вопросительно посмотрела на Мартина.

Мартин покачал головой. Дождался, пока тюленоид попытается плыть дальше, – и прострелил ему второй ласт.

Через пару минут, когда истекающий кровью чужак общими усилиями был вытащен на камни островка, Мартин забросил винтовку за спину, вытащил из ножен на голени кинжал и склонился над раненым. Рывкнул:

– Твой единственный шанс выжить – сказать все и немедленно!

– Ты что, сдурел, Мартин? – мрачно спросил его Клим. Приставил пистолет к дергающейся голове тюленоида и нажал на спуск.

Мартин отшатнулся, стер с лица кровавые брызги. Ему вдруг вспомнились слова девочки «вы меня убили».

– Он был единственным свидетелем! – потянувшись к карабину, выкрикнул он. – Ты не хотел, чтобы он заговорил?

Клим вздохнул, опустил ствол пистолета в воду и поболтал, смывая кровь. Тюленоид с развороченной головой слабо подергивался на берегу. Пахло кровью и порохом.

– Он не умел говорить. Он был собакой, Мартин.

– Что?

– Ты не в курсе, кто он такой? Это животное, его зовут кханнан! У геддаров они вроде наших собак, разве что чуть смышленнее, умеют пользоваться предметами. Ключники позволяют брать с собой прирученных животных, вот геддары и притащили кханнанов на Библиотеку. На сухих мирах им не выжить, а здесь – раздолье... и рыбу ловить помогают, и с детьми играют...

Опомнившись, Мартин убрал руки от оружия. Пробормотал:

– Извини... я...

– Решил, что злой директор поселка Клим убил девочку чужими руками... лапами. – Клим сплюнул в воду. – Ладно, забыли. Мы не смогли бы его допросить, Мартин.

Мартин посмотрел на островок, где столпились вокруг неподвижной Ирочки жители. И побежал к ним – сам не понимая зачем.

Перед ним расступились. Девушка была еще жива, но умирала. Камни под ней были в крови, глаза смотрели сонно и пусто. Она дышала ртом, из которого все так же струилась кровь, во рту девушки Мартин с ужасом увидел острый конец шипа, пронзивший насквозь язык. Он присел, коснулся лба Ирины в нелепой попытке хоть как-то умерить ее смертный страх.

Но страха в глазах не было, только досада и подступающий сон – самый последний и самый крепкий.

– Пошли вон! – заорал кто-то над ухом, отгоняя любопытствующих детей. А Ирина попыталась что-то сказать... конечно же, это не вышло. На исказившемся болью лице появилось какое-то предельное, свирепое упрямство, и Мартин почувствовал слабое касание ее руки. Посмотрел на ладони девушки – те медленно, упорно, складывали букву за буквой.

Она успела произнести шесть букв и одну цифру, прежде чем руки отказались ей служить, а дыхание остановилось.

Мартин прижался ухом к груди, пытаясь услышать сердце. Тело Ирины было теплым и упругим, молодое, здоровое, красивое тело, и это казалось такой чудовищной нелепостью и несправедливостью, что Мартин отпрянул от нее будто ошпаренный.

Ирина Полушкина, семнадцати лет, будущая гордость земной лингвистики, была мертва. Подошел Клим, постоял, глядя на Ирину. Сказал:

– Кханнан метнул заточенный рыбий хребет. Очень твердая кость, мы сами ее используем для поделок...

– И он мог сам сделать дротик? – спросил Мартин, так и стоя на коленях рядом с мертвой девушкой.

– Легко. Ласты кханнана очень ловкие, на концах делятся на рудиментарные пальцы. Рыбу сожрал, хребет обточил о камни. Через тысячи лет это будет разумная раса... наверное.

– Зачем? – Мартин посмотрел на Клима. Обвел взглядом мрачную молчаливую толпу. – Эти твари нападают на людей?

Клим покачал головой:

– Никогда такого не было. Никогда. Но несколько кханнанов потерялись или убежали... они могли одичать...

– И напасть на девушку, стоящую в толпе людей? – Мартин засмеялся бы, не будь все так трагично. – Клим, он вел себя как наемный убийца... или как науськанный пес... не важно. Его кто-то послал!

Клим только развел руками. Пробормотал:

– Пусть нас называют фашистами, но отныне мы будем убивать любого кханнана, приблизившегося к поселку...

Мартин встал. Ему было безумно жалко девочку. Еще никогда с ним не случалось такого чудовищного фиаско.

– Мы похороним тело, – сказал Клим. – У нас есть для этого специальный канал... тут иначе нельзя, Мартин...

Мартин кивнул. Клим помялся и добавил:

– Обычно мы делим одежду и вещи умерших между собой, все-таки ресурсов не хватает, но если ты хочешь забрать их...

– Я посмотрю ее вещи, – сказал Мартин. – Возьму что-нибудь для родителей, а остальное... – Он посмотрел на босые ноги топчущейся рядом индианки. Продолжил: – Я понимаю. Поступайте согласно своим обычаям.

Смотреть на то, как люди, пусть даже искренне переживающие смерть Ирочки, станут ее раздевать, Мартину не хотелось. А еще большее отвращение внушала мысль, что это красивое тело, еще четверть часа назад вызывавшее у всех мужчин вполне одинаковые эмоции, будет сейчас беззастенчиво обнажено. Его щека еще помнила тепло девичьей груди, шокирующее тепло мертвого тела.

Мартин отошел в сторону, но не выдержал – обернулся.

Слава Богу, мужчины от Иры отошли. Остались только женщины, собравшиеся в тесный кружок. Они возились недолго – мелькнули в чьих-то руках шорты цвета хаки, беленькие трусики, выскользнула из толпы женщина с окровавленной футболкой – и стала торопливо полоскать ее в воде канала.

В голове проплыла вялая мысль, что есть в этом дележе имущества что-то от каннибализма, но Мартин слишком хорошо понимал, как трудно выжить и сохранить человеческий облик на чужой планете. Он отвернулся, присел у канала, с остервенением стал мыть руки и лицо, оттирая пучком водорослей даже не кровь – само воспоминание о живом и мертвом тепле на своей коже.

– Мартин. – К нему подошла индианка. Уже в кроссовках. Протянула на мокрой ладони жетон путешественника и цепочку с маленьким серебряным крестиком. – Это надо вернуть родителям.

– Нет, в этом надо похоронить... – начал было Мартин, глядя на крестик, но замолчал. – А, ладно. Спасибо.

– Не сердитесь на нас, – сказала индианка.

– Я не сержусь, – ответил Мартин.

Вслед за индианкой подошел Клим. Сел рядом, печально посмотрел на Мартина. Спросил:

– Она хоть что-нибудь сказала?

Мартин сбросил рюкзак, полез в боковой карман за мылом. Покачал головой:

– Ни единого звука.

5

В Столицу Мартин вернулся после наступления темноты. Помогал маяк – непрерывные вспышки хоть и раздражали, однако давали ориентир. Нелегко, наверное, засыпать в палатке под разноцветные всполохи... но к чему только не привыкнешь. Да и был от маяка еще один прок, который Мартин оценил, лишь подойдя к палаточному городу, – маяк заменял фонари. Приноровившись, можно было вполне сносно передвигаться в ритме красно-зелено-белого стробоскопа. Экономить батарейки не требовалось, но Мартин погасил фонарик, чтобы не выделяться.

Ночью поселок казался куда более обитаемым, чем днем. Скользили между палатками тени тех Чужих, которые от природы вели ночной образ жизни, да и многие люди, похоже, предпочитали спать в жаркие дневные часы. На небольшом островке, где все обелиски были безжалостно снесены, Мартин увидел самую настоящую дискотеку. Гремел проигрыватель, танцевала молодежь – и люди, и нелюди. Ломанные движения, резкий ритм и вспышки маяка сливались в диковатую, но завораживающую сцену.

Мартин постоял, наблюдая за танцующими, потом двинулся дальше.

Прошел по пляжу, где давеча загорали нудистки. Девиц, конечно, уже не было, словно в воду канули. Зато сидели у самой воды два дюжих мужика, хохотали, обсуждали что-то свое. До Мартина долетело:

– С настоящей, Лёва! С настоящей!

Чуть дальше, на островке, не подвергшемся особому разгрому, тренькала гитара и кто-то пел на испанском – о галеонах, пиратах и штормах. Мартин остановился и послушал немного.

Да, жизнь явно была ключом.

И что стоило Ирочке Полушкиной остаться в этом поселке?

Хотя кто мог поручиться, что это уберегло бы ее от убийцы?

Мартин ни секунды не сомневался, что нападение тюленоида было сознательным... в той мере, в какой кханнан вообще имел сознание. Кто-то науськал полуразумное создание на девушку. Отдал приказ – и убил ее вернее, чем если бы спустил курок. Возможно, кханнан и понимал, что шансов спастись у него почти нет, но сопротивляться приказу не мог.

Кто? Зачем? Достаточно было ответить на один из вопросов, второй прояснился бы сам собой. Но Мартин не видел ответа. Единственный, пусть и сомнительный мотив имелся у Клим. Но если допустить, что приказ отдал директор, то возникал резонный вопрос – как он сумел приручить тюленоида? Если же заказчик убийства был из геддаров, живущих в Столице, то вставал вопрос мотива. Опасение, что девушка разгадает загадку Библиотеки? Очень уж это не вязалось с известным Мартину поведением геддаров. Эта раса не зря носила с собой мечи, но никогда не использовала другого оружия.

И в вещах девушки он не нашел никакой зацепки. Немного одежды, два шоколадных батончика, припрятанных среди чистых носков и платочков, пяток неисписанных блокнотов и коробок карандашей.

В общем, гадать было бесполезно, и все же Мартин не прекращал этого занятия. Два чувства – жалость к девушке и уязвленная гордость – подстегивали его лучше любого контракта. Выбрав палатку, в которой горел слабый свет и слышался разговор, Мартин подошел к задержанному клапану двери. Кашлянул – никто не отреагировал. Стучать по ткани было нелепо, звать хозяев – как-то неудобно. Наконец Мартин заметил у двери маленький латунный колокольчик. Позвонил.

Клапан отдернула высокая худая женщина с грубым, мужиковатым лицом. За ее спиной Мартин заметил стоящего в углу мальчишку – видимо, его приход прервал воспитательный процесс.

– Ну? – резко спросила женщина.

Пацан в углу начал поскуливать, словно собачонка. Женщина, не оборачиваясь, рявкнула:

– Не ной, а то и от меня перепадет! Что вам?

Мартин смутился. Он не любил оказываться свидетелем семейных разборок – возможно, потому, что работа частного детектива постоянно заставляла рыться в грязном белье.

– Простите, я здесь недавно, – начал Мартин, – мне надо найти Давида, главу администрации Библиотеки...

– Я за него не голосовала, – мрачно сказала женщина. Но все же вышла из палатки и показала рукой направление. – Вон там. Выгоревшая красная палатка, рядом с ней на столбе синий флаг.

– Простите, а почему вы за него не голосовали? – не удержался от вопроса Мартин.

Женщина окинула его подозрительным взглядом:

– А вам-то какое дело, господин хороший?

Пацан в палатке снова захныкал, и женщина решительным шагом двинулась внутрь, не забыв закрыть за собой дверной клапан.

Так и не получив ответа, Мартин пошел в указанном направлении. Ему не терпелось убраться с Библиотеки, но вначале следовало нанести визит Давиду. Хотя бы ради того, чтобы захватить письма на Землю, – это правило хорошего тона для любого путешественника.

Давид не спал. Сидел перед каналом на сооруженной из обелисков скамейке и читал при свете маленького фонарика какой-то роман в бумажной обложке. Был в одних широких семейных трусах и пиджаке на голое тело. При появлении Мартина молча сдвинулся и закрыл книжку.

– Интересно? – поинтересовался Мартин. Обнявшаяся парочка, изображенная на обложке, лучше любой аннотации выдавала дамский роман.

Давид неопределенно пожал плечами:

– Не очень. Но файлы надоели, а бумажных книг у нас очень мало. Что-то стряслось?

– Почему вы так решили?

Давид вздохнул:

– Ой, Мартин, только не надо этих детективных подковырок... Вы вернулись один. А вы не производите впечатление человека, который так легко отступает. С девочкой что-то случилось?

– Она мертва.

Давид негромко выругался. Покачал головой:

– Чушь какая-то. У нас бывают несчастные случаи, но...

– Ее убили.

Мартин и Давид некоторое время смотрели друг на друга. Потом Давид кивнул:

– Я знал, что рано или поздно эти ненормальные...

– Ирину убили у меня на глазах. И вовсе не обитатели Энигмы.

На лице Давида заиграли желваки.

– Мартин, перестаньте пялиться на меня и выдавать информацию по крупницам! Вы не ключнику байки травите! На этой планете я представляю цивилизованную власть...

– Ее убил кханнан. Метнул дротик, сделанный из рыбьей кости. У девушки был поврежден позвоночник, пробита гортань и язык. Она даже не смогла ничего сказать.

Собственно говоря, Мартина интересовала реакция Давида именно на эти слова. Изобразить удивление совсем нетрудно, гораздо сложнее скрыть облегчение.

Но на лице Давида не отразилось ровным счетом ничего. Как и подобает серьезному человеку, управляющему тысячей разумных особей с разных планет.

– Полагаете, целью было помешать ей говорить? – спросил Давид.

- Возможно. Я не в курсе, как обычно кханнаны убивают людей.
- Они не убивают людей, – сказал Давид. – Кадрах!

Из палатки появился геддар – полуодетый, в широких плиссированных штанах оранжевого цвета и с перевязью меча на голом торсе. В полумраке он очень напоминал человека, лишь отсутствие пупка и сосков выдавало в нем существо иной биологической природы.

- Я слышал, – коротко сказал геддар. – Кханнан не должен убивать людей.
- Не должен или не может? – спросил Мартин.

Геддар помедлил, будто решая, стоит ли обсуждать этот вопрос с чужаком. Потом покачал головой:

- Не должен. Возможно все, но не все должно. Кханнаны – спутники, друзья, охотники.
- Охранники? – уточнил Мартин.
- Нет. Кханнан может вступить в бой, если его другу грозит беда. Но кханнан, напавший на разумное существо, должен быть убит.
- Не только на геддара? На любое разумное существо? – уточнил Мартин.

На лице Кадраха появилось что-то, близкое к презрению.

– Конечно. Их разум близок к пробуждению, они гораздо умнее ваших собак. Если позволить им убивать разумных, это приведет к беде для нашей расы. Ни один геддар не позволит кханнану нападать на людей.

- Есть вариант, – осторожно сказал Мартин. – Отдать приказ, зная, что кханнан погибнет.

Кадрах молчал так долго, так что Мартин успел пожалеть о своих словах. Но геддар заговорил снова:

– Такой вариант есть. Геддар мог отдать приказ, будучи уверенным, что кханнан умрет. Это преступление, но оно возможно.

- Только геддар? Мог ли человек или существо иной расы приручить кханнана?

– Мог, – не колеблясь, ответил геддар. Кажется, теперь на его лице появилось облегчение. – Это бывает. Многие хотят друга-кханнана, мы привозим сюда щенков.

– Вам придется найти того, кто отдал приказ, – сказал Мартин. Не приказывая, разумеется, а лишь констатируя факт. – Это сложно?

– Кханнан имеет лишь одного хозяина, – сказал геддар. – Один хозяин не может иметь более одного кханнана. Они ужасно ревнивы. Если у кого-то пропал кханнан – он виновен... – Геддар покачал головой и выдал неожиданный вывод: – Очень трудно будет найти убийцу.

- Почему? – удивился Мартин. – Пересчитать...

– В нашем поселке сто тридцать кханнанов, – уверенно сказал геддар. – В Центре – еще восемнадцать. Наших я соберу и пересчитаю за час. Завтра мы будем знать, на месте ли кханнаны другого поселка. Но только глупый убийца пошлет своего кханнана на смерть.

Он помолчал и подытожил:

- Я не думаю, что убийца так глуп. Я думаю, что все кханнаны на месте.
- А бывало, что кханнаны убегали? – спросил Мартин. – Может быть, дикий...
- Может быть, дикое поселение людей или других разумных, – ответил геддар. – Но у них не будет кханнанов.

– Они не смогут размножаться, – пояснил Мартину Давид. – Планету геддаров могут покидать только особи одного пола.

Мартину ужасно хотелось узнать, касается ли это правило только тюленоидов, или распространяется и на самих геддаров. Но он благоразумно подавил любопытство, спросив вместо этого:

- Тогда откуда взялся кханнан-убийца?
- Возможно все, – философски ответил геддар. – Но не все можно узнать.

Геддар отступил в тень – и сразу же затерялся среди обелисков.

– Хорошенькое дело, – сказал Мартин. – Мирная, добрая планета. Никакой опасной жизни. И вдруг взявшаяся ниоткуда инопланетная зверюга убивает невинную девушку!

– Вас ждут неприятности? – с сочувствием спросил Давид.

– Моей вины в случившемся нет, – поразмыслив, сказал Мартин. – Она даже еще не решила, пойдет ли со мной, я не успел официально взять ее под охрану. Если родители девушки захотят это проверить – пришлют сюда другого детектива. Но мне жалко девочку. И... нелепо все произошло. Вы-то сами что думаете о случившемся, Давид?

Давид посмотрел на него с легкой иронией:

– А что я могу думать? Если девочка и впрямь была близка к разгадке тайны Библиотеки, то недоброжелатели могли найтись. Вы что, считаете, у нас тут мирная, тихая, академическая жизнь? У нас тут обычный бедлам! Пьяные свары, и это при минимальном производстве алкоголя! Драки в процессе выяснения научной истины, причем с членовредительством и увечьями. Сексуальное насилие и перверзии всех мастей... обычные оргии я уже и не пытаюсь запрещать. Азартные игры, причем в последнее время стало модно играть на «американку», а желания загадывать унизительные или опасные. Я уж не говорю о вандализме... – Давид многозначительно похлопал по каменной скамье, – о религиозных препирательствах, об интригах...

– Вчера вы нарисовали мне куда более благостную картину, – заметил Мартин.

Давид промолчал.

– Может быть, вам стоит сообщить на Землю, что Библиотека вовсе не такое безопасное и мирное место, как многие считают? – спросил Мартин. – Глядишь, сюда не станут рваться молоденькие дуручки.

– Вы вроде бы не очень молодой человек, – с иронией сказал Давид, – а такой наивный... Как раз после этого они сюда и хлынут. Мартин, все, что здесь происходит, – следствие беспечности нашей работы! К нам приходят умные, работающие, честолобивые. Бьются несколько лет как рыба об лед – а разгадкой все и не пахнет. Что далее происходит, объяснять не надо? Дайте мне ключ к разгадке! На следующий день все будут работать до упаду.

– Я не лингвист, – сказал Мартин. – Если у девочки и был ключ, то она его унесла с собой. Но судя по тому, что я видел, ее теория блистательно провалилась.

– Небось пыталась привязать язык Библиотеки к туристическому? – спросил Давид. – А направление чтения выбрать с учетом площади островов или количества обелисков? Что по этому поводу сказал Клим? Этот самодовольный завхоз, выпертый из университета за тратру? Небось такую гипотезу даже он проверял?

Теперь настала очередь Мартина промолчать.

– Он здесь переживает, пока будет закрыто уголовное дело, – продолжал, распаляясь, Давид. – Собрал под свое крыло талантливых ученых, организовал приличные бытовые условия и ждет дивидендов. Конечно! Куда проще руководить одними только людьми! Не приходится разбирать семейную склоку четырехполой расы, где особь женская-примо отказала в сексуальной близости особи мужская-секундо, ссылаясь на отсутствие у Библиотеки луны, регулирующей нормальный брачный цикл! А пищевые проблемы? Раса оулуа необходимо жрать в диком количестве двустворчатых моллюсков, в них, видите ли, содержится жизненно необходимый им марганец! А этих моллюсков любят кушать все, они из местной фауны самые вкусные! Их и выжрали на пять километров окрест... а я должен либо обрекать оулуа на болезни и вымирание, либо требовать от семисот двадцати пяти разумных отказаться от жизненных радостей в пользу семи туповатых Чужих!

– Теперь я лучше понимаю вашу планету, – честно сказал Мартин.

Давид довольно осклабился. Полез в карман пиджака, извлек пачку сигарет. Предложил Мартину.

– Лучше я вас угощу, – предложил Мартин, доставая «Житан».

– Домой отправляетесь? – понимающе сказал Давид.

– Дождусь вашего друга и пойду. Я верю, что искать убийцу бесполезно... так, для очистки совести посижу...

Некоторое время они курили, глядя на проблески маяка. Пробежала мимо группа из двадцати – тридцати людей и Чужих. С воплями: «Каналовка! Все на каналовку!» – они попрыгали в широкую протоку, окружающую остров со Станцией.

Давид и Мартин молча наблюдали за медленно плывущими по течению телами. В руках купальщиков мелькали фляги и бутылки.

– Развлекаемся всячески... – сказал Давид. – Я был на нескольких мирах, Мартин. Я повидал достаточно странного, чтобы напавший на девушку кханнан не показался мне загадкой. Даже если этот кханнан ниоткуда.

Мартин внимательно посмотрел на Давида.

– Я помню, как ожил спутник планеты Галел, – сказал Давид. – Он сбросил каменную кору и заблестел в лучах голубого солнца – будто елочная игрушка, подвешенная в зеленом небе. По белой поверхности шли черные и красные разводы, потом появился луч... поток света, идущий мимо Галела, но такой мощный, что он был виден даже в пустоте, – столб белого света диаметром в тысячу километров. Кричали аборигены, в их легендах говорилось, что луна – это яйцо дракона, который однажды проснется и испепелит весь мир. Ключники выбежали из Станции и стояли, глядя в небо. А спутник поплыл, меняя орбиту... лишь осколки каменной скорлупы колыхались в небе. Под ногами затряслась земля, проснулся старый вулкан на горизонте – и выбросил столб красного огня до самых небес. Я не преувеличиваю... до самых небес. Прямо в убегающую луну! Ключники вернулись на Станцию. А я стоял и смотрел на небо... мне казалось, что и впрямь наступил конец света. Потом я понял, что спутник разворачивается, и фотонный луч ударит по планете. Высоко-высоко, в стратосфере, горел разреженный воздух... будто полнеба залили малиновым.

Давид засмеялся и с легким смущением признался:

– Красиво было, не поверите, Мартин! Очень красиво!

– Я верю.

– А потом все исчезло, – сказал Давид. – За миг до того, как древний фотонный звездолет успел развернуть зеркало на планету. Исчез спутник, исчез вулкан, будто вырванный из горной гряды. Земля тряслась еще несколько часов, но ключники ухитрились остановить катаклизм.

– Я слышал, что они создали центр массы вместо уничтоженного корабля, – сказал Мартин. – Запустили на орбиту спутника крошечную черную дыру.

– А что именно там произошло, выяснили?

Мартин покачал головой.

– Не думаю, что это был корабль Древних, слишком простые технологии... да я вообще в древние расы не верю... – Давид бросил окуроч в воду, и его мгновенно сглотнула губастая толстобокая рыбина. – Ключники опередили всех... они и есть единственные Древние. Видимо, когда ключники пришли на Галел, местная цивилизация была весьма развита... имела базы на спутнике. Ключники это проглядели. Почему-то. Жители планеты одичали и привыкли к дарованным чудесам. Когда-нибудь это ждет и нас. А те, кто жил на спутнике, не сдавались. Выгрызли спутник изнутри, создали исполинский корабль с фотонным движком... пытались убежать, возродить свою цивилизацию у иной звезды...

– Как же тогда вулкан, который стрелял по кораблю?

– Защитные системы ключников.

– Не их стиль, – покачал головой Мартин. – Они предпочитают тихое исчезновение. Впрочем, версия не хуже любой другой.

Давид кивнул:

– Да, конечно... Но я с тех пор стал выбирать планеты без лун.

Они посмеялись, как и положено уважающим друг друга людям после такой истории.

– Я все-таки пойду, – сказал Мартин и встал. – Не стану дожидаться вашего друга. У вас есть почта на Землю?

– Да. – Давид вскочил, нырнул в палатку и через миг вернулся с увесистым пакетом. – Тут письма, дискеты... медальоны погибших... и несколько образцов для университета... ничего? Меньше трех килограммов...

В его голосе появились легкие просящие нотки.

– Давайте, – согласился Мартин.

Они пожали друг другу руки, и Мартин пошел к Станции. На веранде никого не было, но Мартин шел уверенно, по-деловому, как человек, которому назначено определенное время.

И ключник появился. Вышел, притворив за собой деревянную дверь, уселся в кресло, принялся раскуривать трубку. На нем был густой махровый халат, ключник то ли замерз, то ли вскочил с постели.

Мартин остановился перед ступеньками.

Ключник пыхтел, посасывал трубку, снова и снова щелкал зажигалкой. Наконец трубка задымила ровно, и ключник удовлетворенно откинулся в кресле. Посмотрел на Мартина – то ли с доброжелательной иронией, то ли с легким раздражением.

– Здравствуй, ключник, – сказал Мартин.

– Здравствуй, путник, – кивнул ключник. – Входи и отдохни.

Мартин поднялся, сел напротив ключника. Помолчал, потом сказал:

– Я хотел бы рассказать тебе историю.

– Здесь грустно и одиноко, путник, – сказал ключник. – Поговори со мной, путник.

Мартин закрыл глаза. Он не знал, о чем сейчас будет говорить. Лучшими историями всегда были те, которые он сам не знал до конца. Мартин понимал лишь одно – сейчас он станет говорить о...

– Рождаясь, человек несет в себе мир, – сказал Мартин. – Весь мир, всю Вселенную. Он сам и является мирозданием. А все, что вокруг, – лишь кирпичики, из которых сложится явь. Материнское молоко, питающее тело, воздух, колеблющий барабанные перепонки, смутные картины, что рисуют на сетчатке глаз фотоны, проникающий в кровь живительный кислород – все обретает реальность, только становясь частью человека. Но человек не может брать, ничего не отдавая взамен. Фекалиями и слезами, углекислым газом и потом, плачем и соплями человек отмечает свои первые шаги в несуществующей Вселенной. Живое хнычущее мироздание ползет сквозь иллюзорный мир, превращая его в мир реальный.

Ключник молчал, посасывал трубочку. Мартин перевел дыхание.

– И человек творит свою Вселенную. Творит из самого себя, потому что больше в мире нет ничего реального. Человек растет – и начинает отдавать все больше и больше. Его Вселенная растет из произнесенных слов и пожатых рук, царапин на коленках и искр из глаз, смеха и слез, построенного и разрушенного. Человек отдает свое семя и человек рождает детей, человек сочиняет музыку и приручает животных. Декорации вокруг становятся всё плотнее и всё красочнее, но так и не обретают реальность. Пока человек не создаст Вселенную до конца – отдавая ей последнее тепло тела и последнюю кровь сердца. Ведь мир должен быть сотворен, а человеку не из чего творить миры. Не из чего, кроме себя.

Ключник отложил трубку.

Мартин ждал.

– Ты развеял мою грусть и одиночество, путник. Входи во Врата и продолжай свой путь.

Мартин кивнул ключнику и поднялся.

– Можно считать, что каждый – Вселенная, – сказал ему в спину ключник. – Можно считать, что каждый – лишь буква в краткой истории Вселенной. Это не слишком многое меняет, Мартин. Становимся ли мы после смерти мирозданием, или всего лишь буквой на обелиске – что это значит для мертвого?

Мартин обернулся. Быстро, как только мог.

Ключника в кресле уже не было, лишь слабо дымилась забытая трубка.

Впрочем, какая разница? Сидит ли ключник в кресле, или перенесся за тысячи световых лет – что это значит, если ключники не отвечают на вопросы?

Но Мартин все-таки сказал:

– Спасибо, ключник.

Часть вторая Оранжевый

Пролог

Охотник за жизненными удовольствиями – или, говоря изысканно, сибарит – всегда серьезно подходит к вопросу вкусного и здорового питания. Есть свое удовольствие в посещении ресторана: классического, чуть старомодного, с белыми накрахмаленными скатертями, фарфором и хрусталем, частой сменой серебряных столовых приборов и степенными официантами-мужчинами, ни в коем случае не женщинами: своенравной и непостоянной женской руке негоже вторгаться в таинство рождения и сервировки пищи! Немало радостей кроется в заведениях попроще, с веселыми клетчатými скатертями и шипящими за приоткрытой дверью кухни кастрюлями, где улыбчивые молодые парни и девушки накормят вас чем-нибудь необычным и национальным в компании преуспевающих клерков, вечно торопливых юристов и шумных туристов, приросших к своим видеокамерам. Мы решительно отвергнем предприятия быстрого питания, какое бы иноземное имя они ни приняли и какую бы вкусную пластмассу ни положили в одноразовую тарелку – нет, нет и нет, булочкам с котлетой нельзя оставлять ни единого шанса, если вы серьезно относитесь к своему здоровью и быстротечным земным радостям!

Но мерилом кулинарных удовольствий, альфой и омегой сибаритства, все равно остается обед домашний, обед, приготовленный своими руками. Только тут и раскрывается истина, только тут становится ясно – тварь ли ты дрожащая, выросшая вокруг непритязательного желудка, или право имеешь этим желудком командовать, холить его и лелеять, не позволяя лени, аппетиту и даже бурлящим пищеварительным сокам вторгнуться в процесс творения еды!

Сегодня Мартин принимал дядю у себя дома. Случалось это нечасто, судил дядя справедливо, но строго, а потому Мартин несколько волновался. Времени оставалось в обрез, он лишь сегодня утром вернулся на Землю, поэтому приходилось импровизировать. Устроив ревизию холодильника, он даже на некоторое время впал в легкое уныние и стал подумывать про утку по-пекински, которую можно было купить в ресторане, а выдать за творение собственных рук. Но отвращение к такому недостойному поступку пересилило минутную слабость, и Мартин решил сражаться до конца.

Из морозильника Мартин достал замороженных загодя сибирских пельменей – еды хоть и непритязательной, но в умелых руках способной раскрыться с самой лучшей стороны. О, как опошлены и унижены настоящие пельмени теми раскисшими комками теста и субпродуктов, что стынут в целлофановых саванах на прозекторских полках супермаркетов! Не верьте фальшивым улыбкам вечно голодных героев рекламы, они и бульонные кубики готовы схарчить сырыми! Не поддавайтесь на слова о «ручной лепке» – у машин нынче тоже манипуляторы из станины растут. Да если даже и ручная лепка – вы видели те руки?

Нет, нет и нет!

Только самому – или с избранными, хорошо проверенными друзьями и домочадцами – надо готовить настоящие пельмени. Три сорта мяса – желательно, но это не главное. Куда важнее соблюсти баланс пряностей, особенно осторожным надо быть с душистым черным перцем, побольше вольности дает паприка, хотя истинные знатоки ее не употребляют вовсе. Травки, которые щедро дарит москвичам и питерцам молдавская мать сыра-земля, будут хорошим подспорьем. Если живете вы в европейской части России – то надо еще с весны озаботиться должными посадками на даче. Сибирякам проще – вышел в сад-огород, а то и добрел до ближайших кедров – вот и открылась перед тобой кладовая таежных приправ. Ну а еще легче тем, кто в детстве никогда не играл в снежки, кто обитает в Азии или в Крыму – вот уж где раздолье, вот уж где все, что не ядовито, годится в приправы. И ни в коем, ни в коем случае не злоупо-

требляйте готовыми смесями приправ, особенно польского или французского производства! Ну что, скажите на милость, понимают поляки или французы в наших пельменях?

Мартин пельмени любил, тесто готовил с удовольствием, с душой, под включенный телевизор, бормочущий новости, а пельмени лепил под хорошую классическую музыку. Рок придавал пельмешкам излишнюю резкость форм, а попса приводила к появлению пельменей-уродцев, смахивающих на всех ближайших родственников сразу – и на узбекские манты, и на татарские эчпочмаки, и на малахольные итальянские равиоли.

А ведь всем известно, что главный признак хороших пельменей – крепкое вкусное тесто, в мешочке из которого мясо должно вариться будто на водяной бане, в ложечке собственного густого бульона. И беда тем пельменям, которые порвались при варке или облепили мясо тестом без всякого снисхождения, заставляя драгоценный бульон без толку изливаться в кастрюлю...

Стол Мартин накрыл по-простому, на кухне, в две мисочки выложил густой сметаны – настоящей русской сметаны, а не европейских имитаций с загустителями, улучшителями, антиоксидантами и прочей отравой. Кетчуп спрятал от греха подальше, ибо хотя и питал к нему слабость, но справедливых дядиных насмешек боялся. Когда на лестничной площадке громыхнул старый лифт, Мартин чутьем ощутил приближение дяди, высыпал пельмени в кипящую воду и достал из холодильника бутылочку «Русского стандарта», единственную водку, которую разрешала дяде употреблять больная печень. Бутылка была не ноль пять, что неизбежно повлекло бы за собой продолжение, и не литр, что позволительно людям молодым и оттого беспечным. Ноль семь, как и подобает культурным, малопьющим русским людям, не собирающимся засиживаться допоздна и пугать соседей песнями.

Дядя пельмени оценил. Правда, ел их неторопливо и без суесловия, чем смутил Мартина, но, едва закончив первую тарелку, выразительно посмотрел на кастрюлю. Так что пришлось немедленно готовить вторую порцию.

Дальше потекла беседа – в меру приятная, хотя порой и шумная. Обсудили футбол – Мартин ярым болельщиком не был, но неожиданным успехам сборной радовался. Поспорили о последней арендной плате ключников – хитрые технологии синтеза пищи из древесины и впрямь позволяли победить голод, но проблем за этим стояло огромное количество. Дядя даже неприятно поразил Мартина, с излишним пылом и недостойными выражениями высказавшись за ограничение рождаемости в странах Азии и Африки. Впрочем, фразы «кроликам тоже обычаи запрещают семью планировать» и «теперь точно с пальмы слезут, раз деревья жрать можно» дядя, устыдившись, согласился взять обратно, но от сути высказываний не отрекся.

Каким-то хитрым приемом Мартину удалось увести разговор в более спокойное русло, а тут еще позвонил Женька – дескать, прохожу мимо, не заглянуть ли на огонек?

Визиту младшего брата Мартин обрадовался, да и дядя, пусть в его любимчиках числился Мартин, сразу расцвел, начал хорохориться и устроил явившемуся племяннику допрос с пристрастием – почему редко звонит и еще реже заходит, какого дьявола его понесло в журналистику и не помирился ли Женька с Ольгой.

На все вопросы младший брат дал толковые ответы, разве что Ольгу вспоминал долго и о примирении говорил неубедительно, а попросту говоря – врал, как адвокат. Но дядя нынче был миролюбив и ложь предпочел не заметить.

Мартин сделал свежих пельменей, а из холодильника достал вторую ноль семь, потому что был не только культурным и малопьющим, но еще и умным русским человеком. Вот с пельменями уже было плоховато, оставалась одна скудная порция, которую и варить-то смешно. Но и дядя, и Женька уже наелись и пельменей больше не требовали, вполне удовлетворившись «Русским стандартом», малосольными огурчиками и тонко нарезанным копченым мясом. Сам Мартин от разговора почти отстранился, но с удовольствием слушал Женькин треп и дядины

реплики, поражающие ехидством и тем чувством юмора, которое возникает у неглупых старых людей после выхода на пенсию.

Когда время приблизилось к полуночи, дядя утомился и стал собираться. От предложения переночевать у Мартина он решительно отказался, от провожатых – тоже, вызывать такси не стал принципиально, сказав, что пройдет пятьдесят метров до перекрестка и поймает попутную машину там, изрядно сэкономив. Мартин попробовал было спорить, но потом сообразил, что у перекрестка должен еще дежурить милицейский наряд, который, заметив подвыпившего пенсионера, конечно же, усадит его в такси и строго накажет водителю доставить старика до подъезда. Поэтому Мартин успокоился и, распрощавшись с дядей, достал из холодильника маленькую, ноль пять, бутылочку водки – ведь был он не просто культурным и умным русским человеком, но еще и отличался ленцой, заставляющей делать запасы продуктов первой необходимости. Но брат показал ему коробку хороших сигар и резонно заметил, что к ним требуется иной аккомпанемент.

Так что через десять минут, покидав в посудомойку грязные тарелки, братья уселись в гостиной с тяжелыми широкими стаканами «Гленморанджа», пятнадцать лет выдержанного в бочках из-под мадеры, и раскурили сигары под музыку любимого обоими «Пикника».

«Пикник» пел о том, что из кого-то, сразу видно, выйдет толк, поскольку он большой знаток веселящего газа. Мартин не разделял столь простых диагностических методов, но ногой в мягком тапке в такт музыке покачивал, а на словах «это счастье одному из ста» даже начал тихонько подпевать.

– Март, чем ты сейчас занимаешься? – спросил брат, водя сигарой, будто пытаясь оставить в воздухе дымные письмена.

– Всякой фигней, – признался Мартин. Брат, единственный из семьи, знал о роде его занятий, но в детали они вдавались редко – разве что забавные и никому не опасные истории порой обсуждали.

– Ты ведешь какое-то серьезное дело? – не унимался брат.

– Заканчиваю, – сказал Мартин. – Почти закончил. Ничего серьезного. Девчонка убежала из дома и нелепо погибла на чужой планете.

– А что осталось незаконченным? – продолжал Женька.

Подумав, Мартин решил, что особого вреда от сказанного не будет.

– Девочка кое-что успела мне сообщить. Говорить уже не могла... жестовым туристическим. Скорее всего это пустышка, но я решил проверить до конца. Не хочется идти к ее родителям, пока не будет полной ясности.

– Меня расспрашивали о тебе, – сказал брат. – Один человек... вроде бы случайная беседа... но так получилось, что я про него кое-что знаю. Он работает в органах.

– Мент? – без особого удивления спросил Мартин. За Эрнесто Полушкиным вполне могли поглядывать правоохранительные структуры.

– Госбезопасность.

– Да что им от меня надо? – возмутился Мартин. – Оброк я плачу, шпионажем не занимаюсь, если что-то интересное встречаю – докладываю!

Оброком Мартин называл придуманные истории, которые предположительно могли понравиться ключникам. Власть имущие негласно рекомендовали всем, у кого хорошо получалось их придумывать, сочинять три-четыре истории в год для нужд государства. За истории даже платили небольшие деньги, и Мартин не отлынивал, не жульничал, а четыре раз в год честно садился за стол и пытался придумать что-нибудь достойное. Судя по тому, что истории принимали с благодарностью и живейшим интересом, но при этом не требовали лишнего, какие-то из них и впрямь шли в дело, а какие-то ключниками отвергались. В общем – как и в обычной жизни. Доклады Мартин писал тоже нерегулярно, но если реальное положение дел на какой-то планете резко расходилось с данными справочников и газет – посылал информацию

об этом в Университет галактических исследований, структуру формально общественную, а на самом деле – правительственную.

– Вот уж не знаю, – отпивая виски, сказал Женька. – Но мне показалось, что их интересуют именно нынешние твои дела. Не вляпайся в политику, Бога ради!

Мартин едва не сказал что-нибудь ехидное и наставительное, вроде «не учи батьку детей делать», но вовремя сообразил, что младший братец как раз в этом вопросе далеко его обскакал и вполне мог бы прочесть парочку лекций. По большому счету Женька был разгильдяй и шалопай, но зато в отношениях со слабым полом – собран, серьезен и беспощадно удачлив. Поэтому Мартин отрезал:

– Не собираюсь я ни во что вляпываться, братец. А вот тебе пора бы перестать быть вечным студентом и вляпаться в какую-нибудь работу.

Получив такой предательский удар, Женька надулся и больше мораль не читал. Потребовалась вторая порция вискаря, чтобы мир между братьями был восстановлен и беседа пошла своим чередом.

1

Причиной, по которой Мартин на одни сутки вернулся на Землю, была не только давно запланированная встреча с дядей, но и необходимость снарядиться в дорогу. Конечно, будь это принципиально, Мартин мог бы отправиться в путь с Библиотеки. Но задача перед ним стояла необычная, и он предпочел потратить одну историю на возвращение.

Мартин оставил при себе «ремингтон» – охотиться он не собирался, а для самообороны этот карабин вполне годился. Из маленького арсенала, хранящегося в кабинете, Мартин добавил к снаряжению лишь револьвер – надежный, компактный «Smith & Wesson» шестидесятой модели. Короткое пятисантиметровое дуло, всего пять патронов в барабане, малый калибр – оружие годилось лишь для недолгой перестрелки на близкой дистанции. Что ж, нечасто, но такие ситуации случаются, и тогда револьвер куда полезнее винтовки.

Пополнил Мартин и свои торговые запасы. Соль была почти на всех планетах, а вот сахар и сладости служили замечательной валютой. Табак, перец, медикаменты, несколько колод игральных карт, свежий «Дайджест» – в общем-то сборы ничем не отличались от обычных. К полудню Мартин был готов отправиться в путь, хотя затянувшиеся до трех часов ночи посиделки отзывались тяжестью в голове.

Уже в дверях Мартина застал звонок. Он потянулся было за трубкой, но обнаружил, что определитель высветил номер Полушкина, и отвечать не стал. То ли о его возвращении стало известно, то ли Полушкин позвонил наугад... в любом случае Мартину не хотелось сейчас отчитываться.

Он запер дверь и стал спускаться по лестнице.

Иногда Мартину казалось, что отношение ключников к рассказам зависит и от самого рассказчика. От настроения... убедительности... увлеченности придуманной историей... от совершенно странных факторов. К примеру, на голодный желудок было гораздо легче получить доступ к Вратам, чем после сытного обеда и кружечки пива.

Сейчас Мартин был в меру голоден, но у него болела голова.

И это сказывалось.

– «Разве? – спросила женщина. – Я полагала, что вы поняли все в первый же вечер», – закончил рассказ Мартин и в ожидании вердикта замолчал.

– Здесь грустно и одиноко, – сказал ключник. – Я слышал много таких историй, путник.

Это была уже вторая история, отвергнутая ключником. И самое обидное заключалось в том, что истории казались Мартину достойными, имеющими и сюжет, и характеры, и назидание. Вполне годные истории!

Ключник ждал – и впрямь грустный и одинокий, один из многих грустных и одиноких ключников московской Станции. Мартин вздохнул, роясь в памяти. Вспоминались и отвергались истории прочитанные, услышанные, случившиеся с самим Мартином или его знакомыми.

Ключник ждал.

– Моя история – о любопытстве, – сказал наконец Мартин. – Странное это свойство, не находишь?

Конечно же, ключник не ответил. Конечно же, Мартин задал риторический вопрос.

– Из любопытства люди совершают странные и опасные вещи. Пандора открыла доверенный ей ларец, жена Синея Бороды вошла в запретную комнату, ученые расщепили атом. Куда ни посмотришь – сплошные беды из-за этого любопытства. И если в древности опасность грозила лишь самим любопытным, то последнюю сотню лет – всему человечеству. Один любопытный ученый становится опаснее целой армии. Мне даже казалось, что природа опомнилась и дала задний ход... люди стали все меньше и меньше любопытничать. Их перестала интересовать наука. Люди полюбили все обыденное и привычное. Телесериалы, где все известно наперед. Книжки, где все понятно заранее. Пищу, которая не интересна ни вкусом, ни цветом, ни запахом. Новости, где не говорят ничего неожиданного. Будто опущен стоп-кран – хватит любопытничать, хватит искать, хватит думать! Остановись – или погибни!

Ключник задумчиво смотрел на Мартина.

– Мы живем с предсказуемыми женщинами, наши друзья рассказывают нам бородатые анекдоты, наш Бог скован догмами. И нам это нравится. Но, знаешь, ключник, недавно я видел девушку, которую погубило любопытство... и подумал... – Мартин посмотрел ключнику в глаза, – а все ли разучились удивляться? Может быть, это я опустил стоп-кран? Для самого себя? Может быть, это я остановился? И убеждаю себя, что остановился весь мир? Вы почти отучили нас любопытствовать, ключники. Какой смысл чему-то учиться, что-то открывать – если завтра вы подарите готовенькое? Какой смысл тянуться к звездам, если там нет ничего нового? Я подумал об этом, и мне не понравился ответ. И я решил – да здравствует любопытство! Многие знания – великолепно! Многие печали – соразмерная плата!

Ключник молчал – и Мартин чутьем понял, что история не принята. Поэтому он перегнулся через стол, ближе к ключнику, и продолжил:

– А знаешь, что тут самое важное, ключник? Любопытства нет вообще! Нет такого качества и свойства у разумных. Мы называем любопытством интуицию, попытку сделать выводы из недостаточных данных. Нам все хочется формализовать, объяснить логически, и если объяснений нет – мы говорим «любопытно», будто выдаем себе индульгенцию на поступки странные, ненужные, опасные. «Любопытство» – лишь удобное объяснение. Ничего более!

– Здесь грустно и одиноко... – начал ключник.

– Я не закончил историю, – сказал Мартин. – Я даже ее не начал. Это было вступлением. Первый раз в жизни Мартину показалось, что в глазах ключника появилось раздражение.

– Тогда рассказывай.

– Жила-была во Вселенной раса, которую все остальные разумные звали ключниками, – начал Мартин. Его вдруг охватила ярость, направленная не на ключника и даже не на себя, оказавшегося вдруг не способным оплатить дорогу. Чистая, ни к кому конкретно не обращенная ярость. – Было у этой расы хобби – летать по галактике на могучих черных звездолетах и на каждой попавшейся планете строить Станции гиперпространственной связи. И всего-то плата за пользование этими Станциями – любопытная история. Никак иначе не получалось у ключников себя развлечь. А на планете Земля жил-был мальчик, которого звали Мартин Дугин. И, как у каждого умного мальчика, была у него мечта – раскрыть все тайны галактики. Не больше

и не меньше, так уж у людей заведено. И вот встретились однажды мудрые ключники и любопытный мальчик. Ключники, как водится, скучали. Мальчик, как положено, считал себя умнее всех во Вселенной. И он подумал: а любопытство ли движет ключниками? Ведь мы уже договорились, что никакого любопытства не бывает. Неужели ключники и впрямь надеются услышать что-то новое и важное? Значит, не в историях дело. Не в историях, а в людях, которые их рассказывают! Видно, есть в галактике какие-то тайны, важные и страшные, но недоступные ключникам. И те, кого ключники пропускают в иные миры, должны эти тайны раскрыть. И те, кого ключники не выпускают обратно, оказались близки к разгадке тайн. И вся их оставшаяся жизнь пройдет теперь там, где они могут принести ключникам пользу!

Ключник закашлялся. Он кашлял достаточно долго, чтобы Мартин понял: мохнатое чешуйчатое существо закатывается от хохота, давится, пытается остановиться – и не может.

– Ты... ты развеял... мою грусть и одиночество, путник. Входи во Врата и продолжай свой путь.

Мартин встал с кресла и пробормотал:

– Сработало. Вот и замечательно...

Ключник перестал смеяться. В черных глазах уже не было и тени раздражения.

– Десятки рас, сотни планет, тысячи гипотез. Говорят, что мы ворует души. Говорят, что мы используем путников как пищу. Говорят, что мы просто издеваемся. Но твоя версия свежа, благодарю. Ты развеял мою печаль.

– Имеют ли наши истории смысл для вас, не имеют ли смысла – вы никогда не говорите. И никогда не скажете, – пробормотал Мартин.

– Тебя снедает любопытство? – спросил ключник. – Но ведь любопытства вообще нет, ты так уверенно это рассказывал.

– Нет пустого любопытства, – отрезал Мартин. – Нет любопытства бесцельного. Если нам интересны ваши мотивы – значит мы чувствуем фальшь. Недоговоренность. Опасность. Упущенную выгоду.

Ключник смолчал, и это дало Мартину ощущение легкого торжества. Но когда Мартин уже закрывал дверь, ключник снова зашелся в приступе смеха, и это смазало все удовольствие от победы.

– Да пускай вы просто прикалываетесь, – идя по коридорам, бормотал Мартин. – Пускай в тотализатор на нас ставите – кто дольше в чужих мирах продержится. Пускай по своим телевизорам транслируете. Плевать!

Добравшись до ближайших Врат – в московской Станции их было шесть, Мартин уже остыл. Конечно, с точки зрения ключника – всемогущего и почти бессмертного, – его поведение и догадки очень забавны.

А самое главное – Мартин вовсе не был уверен, что не бывает чистого любопытства, что за ним всегда стоит интуиция, выгода или страх. Ну какой, скажите на милость, прок ребенку от сломанной и разобранной игрушки? Интересно – и все тут. Возможно, что так и ключники: играют с живыми игрушками, немножко огорчаясь, когда те ломаются.

Мысленно Мартин отметил, что это богатая версия. Раз уж ключников занимают догадки о мотивах их поведения, надо будет рассказать, что ключники – детишки настоящей сверхцивилизации, выпущенные в космос порезвиться. Как любые дети, ключники любопытны, бессердечны и предпочитают слушать, а не отвечать на вопросы...

Может выйти славная история.

Мартин даже начал что-то насвистывать, и обнаружившаяся в зале ожидания перед Вратами маленькая очередь его совсем не огорчила. Он кивнул серьезной женщине средних лет, сидящей на диванчике с огромной клетчатой сумкой. Боже мой, неужели на новом уровне возрождается профессия челнока? Или женщина отправилась навестить родных, и в сумке – гостинцы? Мартин даже обменялся вежливым рукопожатием с мужчиной, курившим в углу

над здоровенной вазой-пепельницей. Мужчина нервничал, смолит сигарету за сигаретой, сразу видно – новичок, но в разговор вступить не стремился. Компании ради Мартин достал сигарету и скурил наполовину.

В коридорчике, ведущем к Вратам, звякнуло. Кто-то большой и грузный протопал мимо комнаты ожидания к выходу. Женщина нервно посмотрела на Мартина и отправилась к Вратам. Через минуту звякнуло снова, мужчина бросил недокуренную сигарету, подхватил объемистую сумку и резко спросил Мартина:

– Как это... не слишком неприятно?

– Ничего не почувствуете, – успокоил его Мартин.

Мужчина пробыл у Врат долго, видимо, никак не мог решиться. Наконец снова звякнуло, по коридору прошел юноша со счастливым лицом изрядно перенервничавшего человека. Мартин миновал шлюзовые двери и вошел в круглый зал Врат. В центре дружелюбно светился компьютерный терминал.

Мартин взял «мышку» и повел курсор по списку.

Вот она, Библиотека. Вот Иолл. Вот Кортик. А вот и цель.

Прерия-1 и Прерия-2.

Два мира, ничем не схожих, кроме преобладающего в районе Врат типа местности. Прерия-1, давно заселенная Чужими, мало интересовала Мартина. До недавних пор его не интересовала и человеческая колония Прерия-2, даром что она была в хорошем, зеленом, списке...

Но пальцы умирающей Ирочки успели сказать ему название именно этой планеты.

Что же она считала таким важным, важнее собственной смерти? Почему молила Мартина отправиться на Прерию-2 – ведь ее слова не могли быть ничем иным, кроме просьбы посетить этот мир?

Может быть, Марином двигала интуиция, а возможно – только что осмеянное любопытство. Но он нажал «ввод», повернулся и вышел из зала – уже не на Земле.

Жарко и пыльно.

Это было первое впечатление Мартина, когда двери Станции сошлись за ним.

Ключник сидел на веранде, водрузив босые ноги на деревянный стол. Перед ним в большом хрустальном кувшине искрился кубиками льда настоящий домашний лимонад, на подносе стояли граненые бокалы.

– Позвольте? – спросил Мартин. Ключник кивнул, и Мартин налил себе полный бокал. Сделал глоток – хорошо, кисленько и прохладно, молодцы ключники, что не признают никакой химии. Со стаканом в руках Мартин отошел к перилам, облокотился, потягивая напиток.

Перед ним лежала Прерия-2.

Равнина вначале показалась Мартину выгоревшей. Потом он понял, что высокая трава, плотной щетиной покрывающая степь, оранжевая от природы. Стадо пятнистых черно-белых коров, пасущееся вдали, невозмутимо щипало оранжевую траву.

Оранжевым было и небо. Ну, не совсем оранжевым, скорее грязно-желтым, таким, что и кружок солнца не сразу бросался в глаза. Тучки, впрочем, обычные, белые.

– Оранжевое небо, оранжевое поле... – пробормотал Мартин. – Какой идиот назвал эту планету Прерией? Оранжевая – она и есть оранжевая.

Ключник молчал, шевелил пальцами ног, улыбался.

– До свидания, – вежливо сказал ему Мартин. Ключник кивнул.

Сойдя с крыльца, Мартин собрал карабин, забросил на спину и двинулся, обходя стадо коров. Ковбоев у стада не наблюдалось, но в какой-то момент из высокой травы поднялся мальчик-подпасок и внимательно посмотрел на Мартина.

Мартин помахал ему рукой. Потом подошел. Парнишка казался смышленным, а информация никогда не помешает.

– Здравствуйте, мистер! – поприветствовал его паренек лет тринадцати-четырнадцати. Был он босой, в джинсах и клетчатой рубашке, сочно-рыжий – в тон прерии и неба.

– И ты здравствуй, – согласился Мартин. – А почему «мистер»?

– У нас так принято, – пояснил мальчик. – Вы насовсем на Прерию?

Мартин отметил эту фразу. «Насовсем?» – редкий вопрос. Обычно спрашивали: «Вы надолго?»

– Вряд ли. Как получится.

– Кого-то ищите? – продолжал любопытствовать подпасок.

Мартин покачал головой:

– Нет, уже никого. Держи!

Он бросил пацану конфету «Красная шапочка», загодя отложенную в кармане. Мальчишка принял угощение с явной радостью, но откусил только половину, остаток бережно завернул и спрятал в карман. Сказал, тщательно прожевывая гостинец с Земли:

– Ну, спрашивайте.

– Город далеко? – Мартин усмехнулся и решил держать себя с парнишкой поосторожнее.

– Нью-Хоуп в пяти милях к югу. – Мальчик указал рукой. Мартин ничего не увидел в той стороне, и мальчик пояснил: – Город в низине. Там протекает Оранжевая. А здесь незачем селиться, здесь воды нет.

– Стадо нарочно к Станции гоняешь?

Мальчик усмехнулся и кивнул.

– Много людей в городе?

– Восемнадцать с лишним тысяч, – гордо сообщил мальчишка. – И еще нелюдей полторы тыщи.

– Что интересного в городе?

– Вкусная конфета, – задумчиво сказал мальчик.

Мартин погрозил ему пальцем, но дал еще одну.

– Две церкви и молельный дом, стадион, мэрия, отряд национальной гвардии, две школы, одежная фабрика, двенадцать мясников, шесть пекарей, кинотеатр, больничка, четыре аптеки, супермаркет, газета, варьете, типография, аэродром, гараж с автомастерской... – начал перечислять мальчишка.

– Гостиница? – спросил Мартин.

– Есть отель «Дилижанс». Есть постоялый двор «Мустанг». Вам, пожалуй, отель понравится.

Мартин достал третью конфету. «Грильяж».

– Я сегодня объемся, – радостно сказал пацан. – Я ваш, мистер. Спрашивайте.

– Что можешь рассказать о планете?

– Ну... – Пацан изогнулся, запрыгал на одной ноге, почесывая пяткой коленку. – А что рассказывать? Планета Прерия, для жизни благоприятна, три континента, заселен один, два города и поселки, открыта нефть и цветные металлы... Этому в первом классе учат.

– Местная жизнь?

– В прериях живут зеленые индейцы, – очень серьезно сказал мальчик. – Они охотятся на оранжевых бизонов.

– Ну-ну, – сказал Мартин.

Пацан фыркнул:

– В городе сами увидите. Они тупые, но мирные, мы им позволяем в город заходить.

– Зеленокожие? – уточнил Мартин.

– Они зеленый цвет любят, – пояснил мальчик. – Покупают зеленую ткань и шьют себе одежду. А так ничего, обычные, желтые.

– Кто главный в городе?

– Мэр, – очень серьезно сказал мальчик. – А еще есть шериф и военный комендант. Так что зря не стреляйте, схватят и повесят! У нас с этим строго, на дуэли надо брать разрешение.

– Господи, какой-то детский рай... – пробормотал Мартин. – Как сюда еще все пацаны с Земли не смотались?

Мальчик с любопытством выслушал реплику, но подобно ключникам отвечать на нее не стал.

– Последний вопрос, – бросая пацану конфету, сказал Мартин. – Какие деньги в ходу?

– Доллары Прерии. – Поколебавшись, пацан достал из кармана монетку и показал Мартину. – Вот такие.

– Я посмотрю? – Мартин взял металлический диск, внимательно осмотрел.

Ого! Монета была серебряная – и с вычеканенным номером, как на банкноте! Значит, не врал справочник Уолтерса.

– Это правда, что деньги есть только на Земле и на Прерии? – спросил мальчик, не отрывая взгляда от монеты. По возрасту он никак не мог родиться на Прерии, но, видимо, прибыл сюда совсем мальцом.

– Неправда. Есть еще шесть планет, где люди выпускают свои деньги... – разглядывая монету, ответил Мартин. – Но у вас они вполне серьезно выглядят...

– В горах есть серебряный рудник, – пояснил мальчик.

– Это – много? – спросил Мартин, возвращая монету.

– Ага. – Пацан кивнул. – Стакан выпивки – десять центов. Переночевать в гостинице – доллар. Если в хорошем номере, конечно.

– Мне стоит куда-нибудь заглянуть в городе, сообщить о своем прибытии? – поинтересовался Мартин.

– А вы быстро схватываете. – Мальчишка блеснул белыми, хотя и шербатыми зубами. – Шерифу представьтесь, он заценит.

– Спасибо, сынок, – кивнул Мартин. – Пойду посмотрю на ваш Нью-Хоуп... а ты не стесняйся, работай.

– Чего мне стесняться-то? – сразу насторожился пацан.

Мартин усмехнулся:

– Шерифу звони и докладывай. Я зайду к нему часа через два.

Пацан поджал губы и обиженно проводил Мартина взглядом. Только когда Мартин отошел шагов на сто, мальчик снова лег в траву и достал из кармана джинсов маленький радиотелефон.

Прерия-2 и впрямь славилась как одна из самых удачных земных колоний. Формально считалось, что она заселяется одиночками-энтузиастами. Но все знали, что Прерия-2 – сверхсекретный правительственный проект США. Последний год планета уверенно шла к объявлению независимости. Может быть, что-то в планах американцев спуталось. А может быть, формальная независимость колонии как раз и входила в их планы.

В любом случае Мартину было интересно. Планеты-курорты – это забавно, планеты, где добывается что-то экзотическое и ценное, – полезно. Но планета, на которой люди и впрямь пытаются построить анклав земной цивилизации, – дело совершенно особенное.

Ключники никогда не вмешивались в местную политику. Все их требования сводились к беспрепятственному пользованию Вратами. Но на Прерии особых безобразий не отмечалось. Местных «индейцев» колонисты не обижали, к Чужим относились настороженно, но терпимо. В общем, если и были у человечества шансы всерьез обосноваться в ином мире, то Прерия на эту роль подходила идеально.

Серебряные монеты с номером – надо же! Мартин усмехнулся, вышагивая по степи. Почему не воспользовались ассигнациями? Металлические деньги – как символ фронта, Дикого Запада, перенесенного за сотню парсеков от Земли?

Возможно.

С легкой тоской Мартин подумал, что российская пассионарность то ли окончательно протухла со времен Гумилева, то ли принципиально не направлена вовне. Ну где, где планета Новый Мухосранск или Китеж-град? Где русоволосые молодцы, пашущие целинные и залежные земли иных миров? Стоят в пикетах у московской Станции, видать. Или маршируют с бритыми затылками на старательно игнорируемых властями полигонах. Ну что за проклятие такое висит над народом: если духовность, то в ущерб здравому смыслу, если свобода, то с погромом и поджогом, если вера, то с озлобленностью язвенника-кастрата, если празднество, то с похмельем на неделю. Начинаешь думать, что не случайно ключники вклеили на территорию России целых три Станции – в Москву, Новосибирск и Краснодар. Легкие, никем и ничем не заработанные деньги и впрямь преобразили страну, выбили у нацистов почву из-под ног, набросили на страну почти европейский флёр благостности и сытости. Ну не успевали чиновники разворовывать все, что сыпалось с небес, пришлось делиться с народом!

Но где же тот дух, что вел в странствия Крузенштерна и Лисянского, Беллинсгаузена и Лазарева, Пржевальского и Визе, Кейзерлинга и Иностранцева?

– Иностранцевых не хватает, – мрачно сказал Мартин самому себе. Понимая, конечно, что стучит краски. Дело не в особенностях национального характера. В конце концов, русский народ всегда был силен пришлыми варягами – как и американский. Тут что-то другое. Какое-то мистическое, манихейское неприятие жизни, легко переходящее в ненависть к ней, какое-то обожание скудости и юродивости. Климат, что ли, виноват? Дали бы ключники России установки погодного контроля, наверняка ведь есть такие...

Мартин сплюнул в оранжевую траву. Ни при чем тут климат. Как раз в суровой Сибири тот самый дух пассионарности еще живет. Может, сибиряки чего-нибудь придумают? Слышал Мартин про большую группу красноярцев и новосибирцев, отправившихся на какую-то холодную, сырую, но перспективную планету. Надо будет заглянуть... при случае.

А пока он стоял на оранжевом кособоке и смотрел на Нью-Хоуп, самый большой город Прерии-2, любимой планеты американцев. Долина реки Оранжевой была широкой, километров десять. Река на Миссисипи никак не тянула и особенно не впечатляла, но это была широкая судоходная река, у городка была пристань, у которой стоял – нет, держите меня, держите крепче, – деревянный колесный пароход! Да и городок: поразительная смесь дощатых и бревенчатых домиков, будто сошедших с целлулоида спагетти-вестернов, несколько вполне современных кирпичных зданий, мачты радиоантенн и стеклянные пузыри вертолетов на маленьком аэродроме – все это восхищало, умиляло и будоражило кровь. Хотелось выхватить верный кольт, оседлать горячего жеребца и поскакать с воплем по пыльной проселочной дороге, постреливая в небо и хлебая из горла текилу.

– Мать вашу, – сказал Мартин, сам не зная, чего в его голосе больше – восхищения или неприязни. – Да вы сдурели, янки!

Он постоял, разглядывая городок, потом достал из кармашка рюкзака «мыльницу» и сделал несколько кадров. Просто так, для личного альбома. Надо будет предупредить в фотомастерской, что оранжевый цвет неба – это местная особенность, а то с ума сойдут после проявки.

2

Обещание, данное пастушку-дозорному, Мартин исполнил и первым делом отправился в офис шерифа. Странное ощущение владело им, когда он шел по улицам городка: вокруг были овеществленные фантазии, ожившие декорации, торжествующая бутафория. Все абсолютно

реальное – и мамыши, выгуливающие младенцев в скверах вдоль главной улицы, и деревянные тротуары в переулках – центральная улица уже была одета в асфальт, и прогарцевавшие по асфальту всадники с винтовками за плечами. Сотню с лишним лет Голливуд творил мифы, и вот – мифы принялись творить историю. За стеклянной витриной аптеки вихрастые пацаны терпеливо ждали, пока им наложат мороженого в вафельный рожок, пароход у пристани выпустил клуб пара и протяжно загудел, из бара «Свобода» вывалился совершенно пьяный мужик ковбойского вида, похлопал по кобуре, проверяя, на месте ли пистолет, и взгромоздился на покорную меланхоличную лошадь. Недоставало лишь музыки Эннио Морриконе и Человека без Имени, мусолящего в зубах сигару. Потом Мартин подумал, что окружающий его мирок даже для Голливуда слишком нарочитый. Сюда лучше вписался бы Андрей Миронов в роли старины Фёста, с проектором и коробкой пленки прибывший врачевать ковбойские души.

Впрочем, перестрелок и прочих безобразий не наблюдалось. С Мартином периодически здоровались, он вежливо раскланивался, уже понимая, что въевшиеся в память киношные штампы ожили и сейчас он невольно копирует то Андрея Миронова, то Клинта Иствуда.

Шериф ждал его на крыльце небольшого двухэтажного домика, невольно напомним этим ключника. Кряжистый мужик, руки на поясе, длинноствольный хромированный револьвер напояз, шерифская звезда блещет на груди. Мартин остановился перед ним. Пожалел об отсутствии губной гармошки. И начал немзыкально насвистывать мелодию Морриконе.

Шериф сплюнул в пыль и пробормотал:

– Остряк... С Земли?

Мартин кивнул.

Набывчившись, будто все вновь прибывшие вызывали у него серьезные подозрения в благонамеренности, шериф оглядел Мартина. И спросил:

– Журналист? Детектив?

– Детектив, – признался Мартин.

Шериф неспешно сошел с крыльца. От него сильно пахло жареным луком и – едва уловимо – дорогим одеколоном.

– Прерия-2 является суверенной территорией. Но ты можешь ориентироваться на американские законы – и сильно не ошибешься.

Мартин кивнул.

– Тебе сейчас кажется, мать твою, – продолжал шериф, – что ты оказался в первосортном вестерне. Но ты гони эту мысль прочь, мать твою. Потому что пуля, которую ты можешь схлопотать, окажется самой что ни на есть настоящей, а не целлулоидной.

– Народу и впрямь это нравится? – спросил Мартин, неопределенно мотнув головой.

Шериф осклабился:

– А ты что, думаешь, мы к твоему приходу так нарядились? Кого ты здесь ищешь и как тебя звать, мать твою?

– Меня зовут Мартин. Мать мою зовут Антонина Петровна. Я никого не ищу... точнее – не знаю, кого именно ищу. Мой клиент погиб на Библиотеке, успев произнести лишь название вашей планеты. Я надеюсь найти какой-то след... но какой – не знаю.

В глазах шерифа появилось любопытство. Как бы там ни было, но люди, живущие в голливудском фильме, начинают уважать законы жанра. Таинственная история с погибшим клиентом сработала как нельзя лучше.

– Зайди, – буркнул шериф.

За бревенчатыми стенами скрывался вполне цивилизованный офис. Электрический свет, компьютер, принтер и копир, солидная радиостанция и внушительная кофеварка. Шериф первым делом щелкнул клавишей кофеварки, после чего плюхнулся в кресло и уставился на Мартина.

– Будете? – Мартин достал из кармашка рюкзака две сигары в алюминиевых гильзах.

– Не откажусь, – с удовольствием раскупоривая сигару, сказал шериф. – Мы тут табачок растим... вот только вкус пока не тот... не тот...

Он поводит сигарой под носом, глубоко втянул воздух, крикнул. Закуривать сигару не стал, положил на стол и прихлопнул сверху ладонью, будто отстраняясь от подарка. Спросил:

– Так что все-таки ты ищешь? И каких проблем мне от тебя ждать?

– Я не знаю. – Мартин пожал плечами. – Девочка умирала, она не могла даже говорить... успела лишь сказать жестами «Прерия-2». Наверное, это было для нее очень важно.

– Посещала она нашу планету раньше?

– Насколько я знаю, нет.

Шериф развел руками:

– Ну, показывай фотографию, раз такой умный.

Мартин достал закатанную в пластик фотографию, протянул шерифу. Тот уставился на портрет Ирочки, и лицо его начало медленно багроветь.

– Издеваешься? – спросил он наконец.

– Вы ее знаете?

Шериф открыл пухлый ежедневник в кожаной обложке, прочитал:

– Пятница, 12 октября, 14:30. Ирина Полушкина, Россия. Да она вот тут сидела, на вашем месте! Воспитанная девчонка, первым делом пришла ко мне, как положено.

– Вот как... – Мартин и впрямь растерялся. – Я не знал.

Он вдруг понял, что даже не уточнил на Библиотеке, когда именно прибыла Ирина. В пятницу? А не в субботу ли?

– Представилась, расспрашивала меня о планете... вежливая, хорошая девочка... – Шериф, похоже, поверил Мартину. – Так она сразу же ушла? Мне показалось, что девчонка хочет остаться у нас надолго.

Мартин развел руками. Спросил:

– А что именно ее интересовало?

– Индейцы, – фыркнул шериф. – Развалины.

– Какие еще развалины? – насторожился Мартин.

– Месяца три назад, в предгорьях, недалеко от серебряного рудника, следопыты нашли какие-то руины. Не то у индейцев был там город, не то... – Шериф не закончил, видимо, решив не произносить банальности о Древних. – Ничего интересного, поверьте. Мы сообщили на Землю, прибыли трое ученых. До сих пор там роются, но морды уже кислые. Все очень старое, разрушенное... каменные стены, редко-редко какие-то черепки. Мне показалось, что девочка туда собралась. А она, значит, ушла...

Шериф задумался.

– С кем-нибудь она общалась? – спросил Мартин.

– У нас тут не деревня, а большой город, – строго сказал шериф. – Двадцать тысяч душ, и каждый день еще с дюжину прибывает!

Он не стал делить население на людей и Чужих, это Мартину понравилось. Впрочем, шериф тут же добавил, смазывая все впечатление:

– Кроме того, индейцев несколько сотен болтается. Разве за всеми уследишь?

– Понял, – пробормотал Мартин. – Что ж, это тупик. Но если вы не против, я постараюсь узнать, с кем Ирина контактировала.

– Никаких возражений, – буркнул шериф. – Не знаю, что это тебе даст... раз девушка уже мертва, но... успехов.

Он поднялся, протянул руку – давая понять, что разговор окончен. Мартин не спорил, ему сейчас требовалось спокойно посидеть и все осмыслить. Уже в дверях шериф окликнул его:

– Эй, Мартин из России... Меня зовут Глен.

Мартин кивнул, улыбнулся и вышел.

Теперь, когда предсмертные слова Ирины обрели внятное объяснение, ничто не удерживало Мартина на Прерии-2. Стало ясно, что вначале Полушкина отправилась на Прерию, собираясь раскрыть тайны древних руин. Но, поговорив с шерифом, девочка трезво оценила свои шансы, вместо выковыривания из земли черепков решила открыть тайну Библиотеки и отправилась обратно к Станции.

Логично?

Вполне.

Можно было последовать ее примеру. Можно было переночевать в местной гостинице и отправиться домой на следующий день. Сколько ни тяни, а сообщить Эрнесто Полушкину печальную весть придется.

Но что-то мешало Мартину поступить самым естественным образом.

Вначале он отправился в Первый национальный банк Прерии-2. Под бдительными взглядами пары охранников Мартин пообщался с клерком, выяснил, что земные деньги здесь совершенно не в ходу, годятся лишь кредитные обязательства постоянного представительства Прерии-2 в Нью-Йорке – этаким эвфемизм для обозначения посольства. Разумеется, кредитных обязательств у Мартина не было, и он, последовав совету клерка, отправился в городской супермаркет. Там в финансовом отделе он выстоял небольшую очередь – мрачноватого вида старатели пришли с тугими увесистыми кожаными мешочками, крепкая уверенная женщина притащила два ящика каких-то плодов и сушеные травы, интеллигентный юноша, оказавшийся скотоводом, долго препирался по поводу цены на говядину. Когда подошел черед Мартина, он выложил на стол часть табака и пряностей, сладости и аспирин, презервативы и лампочки для фонарика, игральные карты и свежие номера «Дайджеста». Предложенная цена Мартина вполне устроила – он мог безбедно провести на Прерии-2 пару недель. Наверное, побродив по лавкам помельче, он продал бы припасы с большей выгодой, но необходимости в этом не было.

Если бы кто-то спросил сейчас Мартина, зачем он готовится к длительному пребыванию на Прерии-2, то внятного ответа бы не добился. Мартин покался бы в пристрастии к комфортной жизни, невозможной без набитого кошелька, рассказал бы о деловой этике частного детектива, требующей проверить все контакты Ирины Полушкиной в Нью-Хоупе, признался бы в интересе к жизни самой крупной человеческой колонии, которую за один-два дня никак не изучишь.

Но настоящая причина была куда прозаичнее.

Ирина Полушкина никак не шла у Мартина из головы! Он вспоминал девочку и возвращаясь с Библиотеки, и угощая дядю пельменями, и распивая с братом виски, и отправившись на Прерию-2. Первый и последний раз такое было с Мартином в юности, когда, будучи очень хладнокровным и глубоко разочарованным в жизни молодым человеком (как и положено в девятнадцать лет), он вдруг влюбился. И как влюбился – со страданиями, слезами в подушку, ночными блужданиями вокруг дома мирно посапывающей девицы, нудными многочасовыми разговорами по телефону и сладостными мечтами о самоубийстве! Вот тогда-то он и понял, с диким удивлением и растерянностью, что думает о предмете своей любви непрерывно – отсиживая задницу на скучных лекциях, попивая с друзьями пиво, передвигаясь в метро и отходя ко сну.

Все проходит. Мартин, как полагается, стал думать о предмете своих страданий реже и реже, завел несколько легких, ни к чему не обязывающих романов, на жизнь начал смотреть еще более скептически и подозрительно, но с любовью на всякий случай больше не шутил. Теперь Мартин старался слишком уж бурных чувств избегать, женщин-вамп любого возраста чурался, молоденьких девчонок, готовых влюбиться бурно и самозабвенно, опасливо сторонился.

Были, конечно, у Мартина душевные привязанности, иные из которых длились годами, а иные – часами. Влекли Мартина женщины серьезные, средних лет, знающие толк в жизни и в сексе, семейной жизнью удовлетворенные, но любовника считающие таким же непременным атрибутом семьи, как мужа, ребенка и уютную кухню с цветочными горшками на подоконнике. Не то чтобы Мартин решил пойти по стопам дяди и остаться холостяком, но с постоянной семьей не спешил и на роль жены своих подруг не намечал. Наоборот – стоило лишь очередной пассии начать наводить уют в его жилище, слишком уж часто жаловаться на непутевого мужа или подарить к очередному празднику красивый шелковый галстук (предмет, бесспорно, очень интимный), как Мартин отношения быстро и деликатно сворачивал.

И уж конечно, не собирался Мартин по примеру многих мужчин найти молоденькую девушку и воспитывать из нее будущую жену. Такие эксперименты оканчиваются удачно лишь для маститых писателей и прославленных дирижеров, бизнесменов крупного калибра и популярных шоуменов. Здравомыслящему мужчине пятнадцатилетняя разница в возрасте должна внушать оправданный страх и сомнение в своих силах.

Но факт оставался фактом, пусть даже Мартин его не признавал. Он все время вспоминал Ирочку. Вспоминал с той назойливостью, что начинала тревожить. И самым разумным способом эти воспоминания изгнать было продолжение расследования.

Мартин отправился в отель «Дилижанс», рекомендованный юным помощником шерифа, и остался им доволен. Номера оказались небольшие, но уютные, в стиле «кантри», с крепкой мебелью местной работы, чистым постельным бельем, радиоприемником – телевидения в Нью-Хоупе, к счастью, еще не появилось. Время уже близилось к полудню, но Мартина накормили бесплатным завтраком – вкусной яичницей, свежим ноздреватым хлебом, мягким желтым маслом и горьковатым «чаем» из местных трав. Напиток этот понравился Мартину больше всего – чудилось в нем что-то просторное, необузданное, свободное. Мартин решил, что надо будет захватить на Землю этих травок, сколько хватит денег.

Подкрепившись, Мартин отправился на прогулку. Погода стояла хорошая, напоминающая бабье лето в Подмоскovie: может быть, ласковым, нежарким теплом, а может быть, обилием оранжевого и желтого вокруг. Кое-где, конечно, были гордо высажены земные деревья, а перед коттеджами зеленели неперенные газоны. Но местные растения от такого соседства не смущались и сдавать позиции не торопились.

Шел Мартин неспешно и словно бы бесцельно. На самом же деле он вживался в образ Ирины Полушкиной. Подобно тому, как он выбрал из списка Библиотеку, Мартин выбирал среди городских достопримечательностей интересные для Ирины места. Прогулялся к пароходу, посмотрел на расписание – тот отплывал завтра утром. Но в душе ничего не ёкнуло, и Мартин решил, что речные прогулки Ирине неинтересны.

Несколько маленьких магазинов тоже были отвергнуты, варьете тем более отпадало. К тому же у Мартина возникло сильное подозрение: под невинным названием скрывался обыкновенный публичный дом.

А вот у бара «Предпоследний приют» на окраине городка Мартин задержался. Что его остановило – то ли забавное название, то ли неожиданное для бара оформление огромного витринного стекла – там была выставлена целая коллекция плюшевых медведей? Мартин в размышления вдаваться не стал, а вошел внутрь.

С некоторой натяжкой бар тянул на ковбойский салун. Деревянная мебель «кантри», темные от времени столы и крепкие, не развалишь, стулья. Бутылок над стойкой маловато, но есть кое-что приличное. Работал телевизор. Мартин вытаращился было на него: откуда здесь может транслироваться бейсбольный матч, откуда забитый народом стадион? – но тут же понял, что крутят запись – для настроения, дело в колониях обычное... Народу было немного, но несколько колоритных личностей в широкополых шляпах и с револьверами на поясе име-

лись, пожилой бармен оказался в меру мрачен и небрит. Мартин подошел к стойке и доброжелательно улыбнулся:

– День добрый.

– Добрый, – согласился бармен, без особого интереса приветствуя Мартина. – Кладбище метрах в ста, за околицей.

– Я так плохо выгляжу? – удивился Мартин.

Бармен вздохнул:

– Вы в городе новичок. Сейчас вы попросите пива, а потом спросите, почему у бара такое странное название. Объясняю – дальше по дороге городское кладбище. А здесь предпоследний приют.

– Логично, – согласился Мартин. – Пиво?

Бармен молча нацедил из крана внушительных размеров кружку. Посмотрел на Мартина – в глазах его стояла стыдливая тоска.

– Только лагер. Через месяц начнут варить темное.

– Я люблю светлое пиво, – легко согласился Мартин. – И меня ничуть не смущает экзотический вкус.

С любопытством естествоиспытателя бармен наблюдал за Мартином, делающим первый осторожный глоток.

– Вкусно, – сказал Мартин через несколько секунд.

Бармен приподнял бровь.

– Ячмень местный? – спросил Мартин. – А хмель, похоже, с Земли...

Лицо бармена чуть-чуть просветлело.

– Хмель у нас будет месяца через три. Мы растили хмель, но индейцы... – Он махнул рукой.

– Напали и сожгли урожай? – поразился Мартин.

– Сожрали, – мрачно сказал бармен. – Они кочуют, понимаете? Шла очень большая орда... город они обошли стороной, тут все в порядке. А поля... не укладывается у них в голове, что растущее может кому-то принадлежать. Никакого понятия о земледелии.

Мартин сочувственно покивал. Пиво было средненьким, но за пределами Земли редко встретишь и такое.

– Что-то сожрали, что-то потоптали... – продолжал сокрушаться бармен. – От полей пшеницы и ячменя мы успели их отогнать. Картошку они не заметили. А хмель, кукурузу и помидоры мы потеряли. Теперь ставим изгородь.

– Как выглядят-то туземцы? – спросил Мартин. Бармен молча кивнул головой, и Мартин обернулся.

Туземец сидел в дальнем углу бара. С виду – почти человек. Желтокожий, узкоглазый, с длинными волосами, заплетенными в косички. Из одежды на нем был ярко-зеленый саронг и плетенные из кожаных ремешков сандалии. Взгляд Мартина туземец выдержал стоически, как настоящий индеец. Перед ним стояла почти пустая кружка пива и какая-то простецкая закуска вроде чипсов.

– Это Джим, – сказал бармен. – Он у нас давно живет. Хороший индеец, цивилизованный. Помогает по хозяйству, я его кормлю и пою. Если сбегать куда-то надо, подать, принести – тоже можно положиться. Они вообще-то ребята работающие.

Помедлив, он добавил:

– Алкоголь на них нормально действует. Они и сами... кумыс производят. Так что не подумайте, будто мы их спаиваем.

– Почему я должен так подумать? – удивился Мартин.

Бармен вздохнул:

– Вы не американец. Значит, сразу подумаете – пришли американцы на чужую землю и давай спаивать индейцев. Верно?

– Есть такое дело, – усмехнулся Мартин. Бармен ему нравился, вот только печаль в глазах никак не находила объяснения. – Простите за бесцеремонность, а у вас какие-то проблемы?

Ответом был долгий вздох.

– А вы специалист по решению проблем?

– Ну... – замялся Мартин.

– Хорошо, – сказал бармен. – Вы, похоже, достаточно опытный человек. Неподалеку есть склад виски, но я не могу сам туда сходить. В складе обосновалась банда Кривого Джона. Принесите мне ящик виски, и я дам вам очень полезный артефакт.

– Чего? – спросил Мартин, чувствуя, что кто-то здесь сходит с ума.

– Компьютерных игр вы не любите, – со вздохом сказал бармен. – Шучу я, добрый человек. Не берите в голову. Нет здесь никакого склада, никакого виски и никакого Кривого Джона.

– А все-таки? – уточнил Мартин, окончательно сбитый с толку.

– Я люблю своих клиентов, – объяснил бармен. – Я люблю свою работу. Верите?

Мартин кивнул.

– И посмотрите, что я должен предлагать посетителям? – скорбно воскликнул бармен. – Местное пиво! Ячменный виски, который таки совсем не виски, а очень даже самогон! У меня есть два ящика напитков с Земли, но кто может позволить себе их купить? Кто попросит смешать коктейль? Кто здесь пьет «Попытку к бегству» или «Выбраковку», кто закажет «Кольцо тьмы» или «Волчью натуру»? Даже банальный джин-тоник, даже «Стеклянное море» – немыслимая роскошь для Прерии. Это ужасно, молодой человек! На той неделе один поц заказал «Линию грез» – как я радовался, что у меня нашелся и белый «Бюссо», и гренадин, и граппа... Так он же потом все залакировал самогоном!

– Вы не американец, – сказал Мартин. – Таки вы одессит!

– Я из Херсона, молодой человек, – воскликнул бармен, гордо выпрямляя спину. – Это вовсе не Одесса, это лучше! А вы откуда?

– Москва.

– Где только земляков не встретишь, – пожимая Мартину руку, философски заметил бармен. – Чем могу помочь?

Мартин достал фотографию и показал бармену.

– Встречал, – едва взглянув на фотографию, отозвался бармен. – Когда же она заходила... дай Бог памяти... в пятницу? Или в субботу?

– В пятницу, – сказал Мартин.

– Нет, вроде бы в субботу... – размышлял бармен. – Или в воскресенье? Вот что я вам скажу, поговорите-ка с тем сударем, что у окна! Девочка с ним долго разговаривала.

Сударь у окна оказался невысоким мужчиной лет сорока. Ермолка, небрежно сдвинутая на затылок, не скрывала благородную залысину, открывающую высокий лоб мыслителя и большую часть темечка. Мужчина был худ, но жилист, одет в потертые джинсы и рубашку из светло-коричневой замши. Если бармен производил впечатление человека печального, то сударь в ермолке казался просто средоточием вселенских скорбей. Цивилизация, похоже, чем-то серьезно перед ним провинилась – и мужчина не ожидал от окружающих ничего хорошего. К поясу его была пристегнута солидных размеров кобура с огромным никелированным револьвером, на столе стояла ополовиненная бутылка «очень даже самогона». Именно в эту минуту сударь готовился сделать очередной глоток – долго морщился, подозрительно вглядывался в стакан, отворачивался и брезгливо принохивался к пойлу, но в итоге все-таки выпил. Йог, насильно уложенный на постель из гвоздей, и тот не перенес бы муку более стоически.

– Как его зовут? – спросил Мартин.

– А вот этого никто не знает, – усмехнулся бармен. – Поговорите, может быть, он вам назовется?

Благодарно кивнув, Мартин взял свое пиво и подошел к ковбою, все еще осмысливавшему порцию алкоголя. Спросил:

– Простите?

– Садись, – мрачно сказал ковбой. Наполнил стакан до краев и подвинул Мартину.

На какие только жертвы не приходится идти частному детективу!

Мартин не стал принохиваться. Конечно, вид таинственного «сударя» не служил рекламной напитка, но вряд ли в баре подавали явную отраву. Он выпил залпом и мгновенно приник к пивной кружке.

Нет, это и впрямь было не виски. Самогон. Впрочем, самогон качественный, ничуть не хуже российского.

– Ну, рассказывай, – видимо, сочтя испытание пройденным успешно, сказал мужчина.

– Меня зовут Мартин...

– А я не могу назвать свое имя, – печально ответил ковбой.

– Почему? – поинтересовался Мартин.

– Меня убьют. Тут же.

Во взгляде лысого ковбоя была такая глубокая убежденность, что Мартин спорить не стал:

– Хорошо, как вам будет угодно. Я ищу девушку...

– Покажи. – Ковбой протянул руку, взял фотографию, несколько мгновений изучал ее. – Да. Хорошая девушка. Очень добрая, славная. Мы с ней беседовали.

– Родители девушки наняли меня, чтобы найти ее, – пояснил Мартин. – Вы не могли бы рассказать мне, о чем вы беседовали?

– Будет ли это честно? – спросил ковбой. – Если девушка покинула дом...

– Она мертва, – сказал Мартин. – Я пытаюсь всего лишь разузнать о ее последних днях.

Сударь...

Ковбой покачал головой:

– Ну почему этот бармен так уверен в моем русском происхождении?

– Потому что сам русский? – предположил Мартин.

– Ой, не смешите мои мокасины! – махнул рукой ковбой. – В пять лет эмигрировать с Украины – и считать себя русским? Ладно, зовите меня как хотите. Сударь, сеньор, мистер...

Он налил в стакан немного виски, подвинул Мартину, а сам взял бутылку:

– За девочку, мир ее праху.

Пришлось снова выпить. Мартин печально подумал, что с такими темпами он не успеет ничего узнать – свалится под стол.

– Как погибла-то? – занюхивая рукавом, спросил ковбой.

– Случайность, – колебавшись, сказал Мартин. – Нападение животного.

Ковбой покачал головой:

– Надо же... Мы с ней в воскресенье познакомились. Вижу – грустит девчонка, скучает над пивом, заговорил...

Мартин решил не поправлять ковбоя. Его собеседник мечтательно продолжал:

– Славная девочка. Я бы ей помог, но какой из меня помощник... только беду бы наклик... Она хотела исследовать руины, те, что у серебряного рудника. Я ее как мог отговаривал – видел я эти руины, ничего интересного. Но у нее была какая-то хитрая идея. Мол, эти руины на самом деле – и не руины вовсе.

– Это как? – удивился Мартин.

Ковбой пожал плечами:

– Да я толком и не понял. Девочка все смеялась, говорила, что ей повезло обдурить ключников. Наверное, прошла Вратами с какой-то пустячной историей... А потом сказала, что все мы слепцы. Что все мы – почти боги. Что скоро мир изменится, да еще как.

– Сколько же вы выпили... – пробормотал Мартин. Рассказ ковбоя удивления у него не вызвал, в семнадцать лет и девочкам, и мальчикам позволительно грезить о коренной перелке мироздания. Но Ира казалась ему более хладнокровной особой.

– Она – кружку пива, – уклончиво ответил ковбой. – Я очень хороший собеседник. Женщины и дети мне доверяют.

– Что-нибудь еще она говорила? – спросил Мартин.

– Тоже хотите мир изменить? – усмехнулся ковбой. – Да всякие пустяки. Ей вроде как хотелось побольше сказать, но она сдерживалась. Все какие-то пустяки... – Он посмотрел в окно. – О! Гляди!

Мимо бара медленно проезжал микроавтобус. Увидев в окошках детские мордашки, Мартин с удивлением подумал, есть ли необходимость в школьном автобусе в таком маленьком городе.

Ковбой тут же развеял его сомнения:

– Фермерских ребятишек со школы повезли... Ира его тоже увидела, засмеялась и говорит: «Автобус небось муниципальный?» Я говорю, что вроде как да, техники тут мало, с нефтью тоже вечно проблемы... низкосортная она... Девчонка и говорит: «То-то!» С торжеством таким, будто открытие сделала.

Мартин проводил автобус взглядом. Пожал плечами:

– Спасибо. Так, значит, вы видели Ирину только один раз, в субботу?

– В воскресенье, – твердо сказал ковбой. – Из церкви вернулся. – Это прозвучало так, будто из питейного заведения он выбирался только к воскресной проповеди. – Тут она и подошла. Позавчера еще видел, только мельком, ручками друг другу помахали, даже не разговаривали.

Мартин недоверчиво посмотрел на ковбоя:

– Вы ошибаетесь. Позавчера Ирина погибла.

– Значит, перед тем и видел, – невозмутимо ответил ковбой. – Она на руины отправилась, все-таки не отговорил я ее. Да вон индейца спроси... он ей дорогу указывал.

Помолчав некоторое время, Мартин поднялся. Ковбой насмешливо смотрел на него, будто почувствовал невысказанное недоверие.

Мартин подошел к индейцу. Кивнул:

– Мир тебе, Джим.

– И тебе мир, – кивнул индеец. Говорил он на довольно приличном туристическом, хотя сразу было понятно – учил сам.

– Ты видел эту женщину, Джим? – спросил Мартин, доставая фотографию. Встречались расы, не способные соотнести изображение с оригиналом, но туземцы Прерии казались достаточно человекообразными.

Взгляд индейца скользнул по снимку.

Он неспешно кивнул:

– Да.

– Когда? – продолжал расспросы Мартин.

– Позавчера я отвел ее к старому городу, – сказал индеец. – В полдень мы расстались.

3

Мартину нечасто доводилось ездить верхом. Да и много ли современных людей владеет этим благородным искусством? На Прерии, однако, лошади были основным видом транспорта.

И пара вертолетов и две «Сессны» на взлетной полосе – всем этим колонисты по праву гордились, но никак не считали повседневным транспортом. Чуть больше встречалось машин, преимущественно дизельных, но в основном люди передвигались на лошадях. Видимо, в здешней нефти было слишком мало легких фракций, чтобы обеспечить капризные двигатели внутреннего сгорания. Мартин и так диву давался, как сумели колонисты протащить через Врата такое количество техники. Носили в рюкзаках, в разобранном виде, а собирали уже на месте? Вероятно. Но сколько же историй было рассказано, сколько походов совершено, чтобы у колонии появились самолеты, буровая вышка, да что там вышка – самая обыкновенная пекарня! Мартину невольно вспомнились сетования дяди, большого любителя литературы, на творческий застой, поразивший как отечественных, так и зарубежных писателей в последнее десятилетие. Причина, конечно, была на виду: все более или менее талантливые сочиняли истории для ключников и состояли на содержании тех или иных серьезных контор. Кому послужили аргументом деньги, а кому – патриотические воззвания правительств... Книги писали лишь авторы бесконечных фэнтезийных сериалов и женских романов. Истории, которые они способны были придумать, ключников все равно не устраивали.

Но как ни кипел подстегнутый крепким долларом патриотический энтузиазм американских писателей, обеспечить Мартина наемной машиной они не смогли. Единственная в городе арендная конюшня предложила ему выбор из четырех смирных кобыл, но даже они Мартина не устроили. Вспомнив свои редкие попытки ездить верхом, он покачал головой и отказался от проката лошади.

К руинам Мартин отправился пешком. Индейца Джима, вновь получившего работу проводника, это вполне устроило. Насколько было известно Мартину, аборигены Прерии почти не пользовались верховыми животными, предпочитая навьючивать на них скarb. Причина была вполне тривиальна – существа, которых они использовали как волов, имели чудовищно острый костяной хребет, подозрительный нрав и попытку оседлать их воспринимали как агрессию.

Пешие переходы Мартина никогда не утомляли, тем более на такой гостеприимной планете. Замечательно было идти по оранжевым травам, чувствовать на коже теплый ветерок, вдыхать непривычные пряные запахи и всем существом осознавать – ты в немыслимой дали от Земли и Солнца, ты на планете, где все человеческое население исчисляется тремя десятками тысяч душ, ты один из немногих, регулярно преодолевающих грань между повседневностью и приключением!

– Джим, а ты уверен, что вел к руинам именно это девушку? – спросил Мартин, когда они перешли реку по деревянному мосту и стали подниматься на правый, более пологий берег реки. Здесь тоже были дома, город явно собирался расширяться в этом направлении, но чувствовалось – они уже покидают пределы цивилизации.

– Она похожа, – осторожно ответил индеец.

– Каким именем она звалась?

– Ирина Полушкина, – очень четко и правильно выговорил индеец. Похоже, у местных жителей были замечательные лингвистические способности.

Мартин вздохнул и оставил эту тему. Кто-то ошибался. Либо он – приняв погибшую на Библиотеке девушку за Ирину... но ведь дома у Мартина лежал ее жетон, да и откуда такое сходство? Либо ошибались – или ввали – безымянный ковбой и индеец?

Конечно, можно предположить версию более интересную. У Ирины существовала сестра-близнец, о которой господин Полушкин либо не знал, либо не счел нужным сообщать. Девушки отправились в путешествие вместе, но выбрали две разные планеты... и еще назвались одним и тем же именем...

Мартин только вздохнул от этой замечательной версии, заставляющей вспомнить мексиканские телесериалы и романтические романы для дам средних лет. Нет, гадать не стоило. Джим уверял, что отвел Ирину к ученым, исследующим руины. Туда всего четыре-пять часов

пути, тридцать километров... и не таких, как на Библиотеке, с прыжками по камням. Нормальная прогулка по степи...

– Джим, тебе нравятся люди? – спросил он.

– Не знаю, не пробовал, – лаконично ответил индеец.

Мартин удивленно посмотрел на него. Индеец улыбался.

– Черт возьми, вот уж где не ожидал услышать бородатые анекдоты! – воскликнул Мартин.

– Мне нравятся анекдоты, – с достоинством ответил Джим. – Люди умеют веселиться. Да, мне нравятся люди. Я плохой ходок. Мне тяжело кочевать с народом. На одном месте легче.

Мартин, которому стоило некоторых трудов удерживать взятый темп, покачал головой.

– Жить среди людей – лучше, – заключил Джим. – У людей есть хорошая еда. Пиво очень вкусное.

Он мгновение поколебался, потом заговорщицким шепотом добавил:

– А некоторым женщинам очень интересно любить индейца!

Мартин крикнул от новой неожиданности. Хотя... чему тут удивляться? Физиологически аборигены Прерии были очень близки людям. Совместное потомство невозможно, генотип все-таки разный, а вот секс... Да и внешность индейца нельзя было назвать отталкивающей. Мартин, к примеру, ничего не имел против секса с китайкой или японкой, такая мысль скорее возбуждала, чем отталкивала. Почему же обитательницы Прерии, выросшие большей частью в либеральном обществе, должны чураться аборигенов?

– Хорошо, что вы так сошлись с людьми, – сказал он. – А с Чужими?

– Некоторые – страшные, – ответил Джим. – Некоторые, – он поморщился, – с очень плохим запахом. Хуже одеколона шерифа. Но все равно ничего.

– А ключники?

Джим не ответил. Только зашагал быстрее – саронг захлопал, обвивая тощие жилистые ноги.

– Джим, тебе не нравятся ключники? – уточнил Мартин.

– Они... – Джим колебался, будто подбирая слова. – Они другие. Не как все.

– Ты их боишься? – предположил Мартин. – Но разве они...

– Джим не боится ключников. Никто из народа их не боится, – резко ответил Джим.

– Тогда почему ты не хочешь о них говорить?

Этот вопрос явно задел аборигена за живое. Он не остановился, но снова замедлил шаг. И выдал фразу, которая Мартина удивила:

– Тебе нравится говорить о плохих вещах? О том, как болит живот, о плохой погоде, о злой шутке?

– Но почему ключники плохие? Они пришли в разные миры и поставили Врата без спросу, теперь мы можем путешествовать очень далеко...

– Я знаю, что такое планета, – гордо сказал Джим. – Я даже знаю, что свет от моего солнца летит к твоему солнцу двести восемь с половиной лет.

Мартин едва не поправил Джима – невольно, поддавшись атмосфере спора, но тут сообразил, что год Прерии-2 составляет четыреста тринадцать земных суток. Джим был абсолютно прав. Поэтому Мартин сказал:

– Ведь тебе нравятся люди? А только благодаря ключникам мы смогли прийти к вам.

– Все должно было быть не так, – отрезал Джим. И замолчал, несмотря на попытки Мартина вновь разговорить его.

Конечно, причины такой неприязни крылись в верованиях аборигенов Прерии-2, Мартин что-то даже читал об этом. Был в их космогонии мотив о пришедших со звезд богах – встречавшийся, впрочем, почти во всех примитивных культурах Вселенной. Пришельцы эти, если верить аборигенам, научили их разводить огонь и приручать скот, наметили маршруты

кочевий и вырыли колодцы, победили злых духов, таящихся в глубинах земли... в общем, весь джентльменский набор даров свыше. Потом пришельцы, то ли в качестве платы за услуги, то ли в умножение списка благодеяний, пролили свое семя в местных женщин и вернулись на звезды, пообещав вернуться, когда туземцы будут того достойны. Предполагалось, что вместе с пришельцами туземцы станут сытно и вольно жить среди звезд.

Разумеется, что первоначально приход ключников на Прерию-2 аборигены восприняли с энтузиазмом. Разумеется, что когда ключники отказались играть роль древних богов, туземцы были крайне разочарованы.

Чужую веру, пусть даже столь примитивную, Мартин уважал. Поэтому мучить Джима вопросами о ключниках перестал, а просто шел, любуясь окрестностями. Впереди маячили невысокие холмы – видимо, в них и скрывалась серебряная жила. За спиной, если приглядеться, посверкивал маяк над Станцией.

К лагерю археологов они вышли к вечеру.

Шесть круглых оранжевых палаток почти сливались с окружающим пейзажем. На Земле цвет палаток был бы заметным ориентиром, а тут – великолепной маскировкой. Палатки стояли кольцом, окружая костер, на котором готовили пищу. Чуть в стороне Мартин увидел маленькие примитивные укрытия из выделанных шкур – тоже оранжево-бурых. Бережно накрытый брезентом джип как бы подчеркивал серьезность собравшихся здесь людей.

Впрочем, сами раскопки пока не особенно впечатляли. Котлован был метра полтора глубиной, кое-где из земли выступали едва открытые обветшалые каменные стены.

Полсотни полуголых туземцев – каждый щеголял хотя бы одним лоскутком зеленой ткани – сосредоточенно рыли землю. Лопаты, кирки, носилки – никакой механизации, разумеется, не было. Туземцы, впрочем, не выглядели ни изможденными, ни изнуренными. Завидев Мартина с Джимом, они приостановили работу, обмениваясь какими-то насмешливыми репликами.

Археологов оказалось вовсе не трое, а семеро. Видимо, говоря о трех ученых, шериф имел в виду лишь специально прибывших с Земли. Две молодые девушки, дама средних лет с мужиковатым лицом и грубыми движениями, к которой слово «женщина» подходило с трудом, четверо нестарых еще мужчин. Появление Мартина их явно заинтересовало – они прекратили рыться в земле и двинулись навстречу.

– Мир вам! – радостно поприветствовал ученых Мартин.

Ирины Полушкиной среди археологов, конечно же, не было. И это радовало. Проще поверить во всеобщий заговор или умопомешательство, чем встретить двойника погибшего на твоих глазах человека.

– Мир! – откликнулась женщина. Голос у нее тоже был грубый, мужицкий, но что-то в ее поведении подкупало. – Кто, откуда, надолго ли?

– Мартин Дугин, Россия, Земля, ненадолго, – в тон откликнулся Мартин. – Как успехи?

– Турист? – удивилась женщина, впрочем, без раздражения. – Ну, милости просим. Жаль, работа на сегодня уже закончена, а то бы я вас живо снабдила кисточкой и пинцетом!

Шутливая угроза сопровождалась крепким рукопожатием.

– Анна, – представилась женщина. – А это всё – моя команда: Петр, Зигмунд, Рой, Габриэль, Регина, Чоу.

Мартин выдержал положенные приветствия, улыбки, рукопожатия, тем временем Анна очень даже дружелюбно обнялась с Джимом – заставив Мартина вспомнить фразу проводника о «некоторых женщинах». Джим казался очень довольным собой, и отсутствие Ирины его ничуть не смущало.

– А где же Ирочка? – спросил Мартин.

Почему-то его слова вызвали бурное веселье.

– Так вы за ней? – осведомилась Анна. – Надо же! Она говорила, что ее будут искать. Наверное, вы частный сыщик?

Мартин поморщился, но кивнул.

– Не задержалась у нас Ира, в город вернулась, – уже серьезнее сказала Анна. – Сегодня утром. Вы, похоже, чуть-чуть разминулись.

– Ах в город, – кивнул Мартин. – Понятно.

Улыбчивые лица как-то сразу стали вызывать раздражение. Все-таки происходящее было чьей-то дурной шуткой. Но вот чьей... и зачем?

– Знаете, вам повезло, – неожиданно вступил в разговор Габриэль. – Я собираюсь сейчас ехать в город, у нас кончились припасы. Я и Ирину уговаривал до вечера подождать, но куда там...

Он махнул рукой, породив новый взрыв смеха. Похоже, Ирочка успела оставить о себе впечатление очень упрямой особы.

– Так что если вас совсем не интересуют раскопки, то подвезу, – дружелюбно продолжил Габриэль.

– Ну, интересуют, конечно... – кисло начал Мартин.

– Вам, наверное, сказали в городе, что мы даром тратим время? – снова перехватила инициативу Анна. – Идемте!

Крепко взятый за руку, Мартин поневоле пошел вслед за ней к раскопкам.

– Видите? – Анна взмахнула рукой. – Центральное кольцо. Это был храм или что-то иное, очень важное для города. Структура почти неизменна во всех известных раскопках.

– Я думал, что это первый город, открытый на Прерии, – сказал Мартин.

– На Прерии-2 – первый. – Анна торжествующе улыбнулась. – Разрушенные города, имеющие сходную архитектуру, обнаружены уже на восемнадцати планетах.

Некоторое время Мартин обдумывал сказанное. Потом спросил:

– Все-таки Древние?

Энтузиазм Анны немного угас.

– Не знаю. К сожалению, всё, что мы имеем, – это вполне обычные керамические черепки, вполне обычные стены, очень редко – бронзовые или железные артефакты... но ничего, созданного высокой технологией. Возраст этих стен – около шести тысяч лет... мало что способно так долго противостоять времени. Здесь уникальные условия – низкая сейсмическая активность, сухой климат... и все равно стены почти разрушены.

Мартин с невольным почтением оглядел руины. Спросил:

– А почему же никто не знает о вашей находке? Восемнадцать одинаковых древних городов на разных планетах – это же сенсация?

– Думаете? – скептически поинтересовалась Анна. – Туристов не впечатляют подобные развалины. Военным они тоже неинтересны. А информация есть давно, читайте «Вестник археологии». Никому не нужное открытие, вот и все.

– Но это же связь между мирами! – не удержался Мартин. – Значит, есть какие-то общие корни у всех рас в галактике...

Анна презрительно фыркнула.

– Корни... Кому интересно услышать о таких корнях? Вот если бы мы откопали бластер или звездолет, об этом кричала бы каждая бульварная газетенка... К тому же есть теория, что развитие гуманоидных цивилизаций просто идет сходными путями. Потому и схожи эти города – в центре круглый храм, по спирали от него расходятся улицы...

Какое-то время Мартин слушал Анну, разглядывая проступающие из земли стены. Конечно, возраст их впечатлял... но, увы, только возраст. Куда интереснее было, что заставляло этих серьезных и вроде как неплохих людей лгать ему.

– Ну как, уговорила я вас остаться на недельку? – спросила Анна.

Мартин виновато улыбнулся. Покачал головой.

– Тогда перекусите с нами, и Габриэль вас довезет до города, – предложила Анна. – Не одному же вам идти по степи? Джим останется переночевать, у него здесь много приятелей.

– Да, конечно, – делая вид, что смотрит на аборигенов, складывающих лопаты в кучу, ответил Мартин.

– Кстати, – Анна принялась рыться в многочисленных карманах просторной ветровки, – как встретите Иру, передайте ей, она забыла...

Мартин вздрогнул, когда на ладонь ему лег жетон путешественника.

– Дурная примета – снимать жетон, – очень серьезно сказала Анна. – В той палатке у нас душ, Ира оставила жетон на полочке. Скажите, пусть носит все время, мало ли...

Даже не таясь, Мартин поднес жетон к часам и включил режим сканирования.

Идентификационный номер. Возраст. Имя. Номер последних пройденных Врат.

За исключением последнего пункта все совпадало с тем жетоном, что остался на Земле, в письменном столе Мартина.

«Лендровер» мчался по степи, будто по ровной дороге, лишь однажды дернулся: «колесо в нору попало» – объяснил Габриэль. Мартин не видел в степи никаких зверьков, но логично было предположить, что в развитой экосистеме существуют какие-то местные суслики.

– Девочка она хорошая, – говорил Габриэль. – Только очень уж нетерпеливая. Пришла к нам с интересной идеей... вам интересно?

– Да, конечно, – крутя в руках жетон Ирины, ответил Мартин.

– Так вот Ира считает, что расположение Станций и древних городов взаимно коррелировано. Мысль не новая, еще Беккер искал эти закономерности, но ему не хватило данных. У Иры появилась любопытная идея – расстояние от руин до Станции должно зависеть от диаметра планеты. Мы посчитали – зависимость есть, хотя и далеко не бесспорная. Тут нужно много и долго работать. Возможно, ввести еще один фактор – площадь материка, на котором расположена Станция. Возможно, учесть количество Станций на планете, их взаимное расположение... Стоит поискать руины на других планетах, да хотя бы и на Земле! Если бы удалось отрыть несколько новых городов... ну, вы понимаете. В общем, интересная тема, мы замечательно с Ирочкой пообщались, и у нас ей вроде бы понравилось...

Габриэль пожал плечами.

– А она взяла и ушла? – уточнил Мартин.

– Да. Сказала, что у нее нет желания провести юность за расчетами и раскопками. Мол, рада, что подсказала нам хорошую идею... А мне кажется, что на самом деле Ирочку расстроила ошибка с алтарем... или, как она решила – с маяком.

– Каким маяком?

– Ну... – Габриэль пожал плечами. – В центральном храме обычно находят пустоты. Считается, что там стоял алтарь – деревянный или из другого непрочного материала. Так вот у Иры была гипотеза, что на самом деле в этом месте закладывался высокотехнологический агрегат, своего рода звездный маяк, ориентируясь на который ключники высаживались на планету.

– Но ведь никаких артефактов не нашли?

– Тут у Ирины есть две гипотезы, – ответил Габриэль. – Первая – что, выполнив свою функцию, маяк бесследно разрушается. Вторая – что его тайно изымают ключники. Поскольку какая-то связь между расположением руин и Станциями на самом деле есть, то версию можно и принять, несмотря на всю ее фантастичность. Но она была уверена, что излучение маяка оставит следы – наведенную радиацию, изменения структуры грунта, кое-что еще... Мы проверили эти руины, но никаких отличий не нашли.

– Это вовсе не значит, что Ира не права, – заметил Мартин. – Мало ли на какой технической основе мог быть построен маяк!

– Конечно, – легко согласился Габриэль. – Но девочка расстроилась. Сказала, что нужны неопровержимые доказательства, а раз мы не можем их предоставить, то и смысла в раскопках нет...

– Какие доказательства? Кому нужны?

Габриэль пожал плечами:

– Это вы у Ирины спросите. Она все время недоговаривает, понимаете?

Джип спустился к реке по наезженному проселку.

Габриэль въехал на огороженную колючкой открытую стоянку, припарковался рядом с огромным грузовиком. Охранник в будочке скупающе поглядывал на них.

– Обратно отправляюсь завтра утром, – сообщил Габриэль. – Если вдруг захотите присоединиться к нам...

Он улыбнулся – хорошей улыбкой увлеченного человека, который вовсе не требует от окружающих разделять его страсть.

* * *

То, чем пришлось сейчас заниматься Мартину, было нелепо и бессмысленно. Он искал мертвого среди живых.

Но в кармане его лежал жетон Ирины Полушкиной и люди, вроде бы достойные доверия, утверждали, что она жива. К тому же в практике работы Мартина встречалось всякое. Бывали люди, которые инсценировали собственную смерть. Случалось и наоборот, когда человек был давно мертв, но родные не хотели в это верить и требовали продолжать поиски – находя нелепые, но при этом убедительные доводы. Так что Мартин бродил по улицам Нью-Хоупа, заглядывал в бары и ресторанчики, наткнувшись на телефонную будку – восхитился прогрессом и позвонил в «Дилижанс» и «Мустанг». Ирина там не появлялась.

К закату, когда вдоль главной улицы загорелись симпатичные, «под старину», фонари, Мартин добрал до «Предпоследнего приюта». В горле к тому моменту изрядно пересохло, хотелось пива – пусть даже местного, хотелось сочной вырезки, немножко прожаренной на решетке, хотелось сесть на крепкий деревянный стул и вытянуть натруженные ноги.

Мартин толкнул дверь и вошел в салун.

Бармен с херсонскими корнями все так же стоял за стойкой, только теперь он не скушал – наливал пиво, прикрикивал на девочку-официантку, курсирующую между кухней и залом, в общем, занимался прозой барменской жизни. Посетителей было много – и люди, и несколько Чужих, и парочка индейцев. Мартин поискал взглядом свободное место и сразу же нашел его рядом с маленьким лысым ковбоем, не желающим открывать свое имя.

А еще за столиком с ковбоем сидела Ирочка Полушкина. В серых джинсах и серой футболке, туго обтягивающей грудь, с собранными в хвост волосами и какой-то совсем подростковой веселенькой кепочке. Живая и здоровая, даже с кружкой пива в руке.

4

Как ни удивительно, но первой мыслью Мартина было облегчение. Девчонка жива. Работа не провалена. Не придется, отводя взгляд, рассказывать про нелепое стечение обстоятельств и свою полную беспомощность.

Потом Мартин почувствовал раздражение. Как бы там ни было, но Ирина Полушкина вела какую-то хитрую игру, и задание далеко вышло за рамки «найти и вернуть».

– Добрый вечер, Ирина, – садясь за столик, сказал Мартин. Девчонка посмотрела на него с любопытством, но без особого волнения.

– Привет. А мы встречались?

– Несколько дней назад, – сообщил Мартин, разглядывая Ирину. Девчонка совершенно искренне морщила лоб, заводила глазки в потолок – в общем, пыталась вспомнить.

– Вот видите, Мартин, все с ней в порядке, – с нескрываемым удовольствием сказал лысый ковбой. – Жива и здорова.

– Извините, не припомню, – призналась Мартину Ира. – А где мы встречались, Мартин?

– На *другой* планете. – Мартин постарался вложить в эти слова побольше сарказма. – Я понимаю, что *вы* этого помнить никак не можете.

Ирина закусила губу. Стрельнула глазками в сторону ковбоя, вздохнула:

– Понятно. У аранков?

– Что «у аранков»? – не сразу понял Мартин. – А... Нет, мы виделись на Библиотеке.

Ситуация становилась все интереснее. Замечательная версия с сестрами-близнецами трещала по швам. Хотя... конечно, бывают и тройняшки...

– На Библиотеке... – Ирина понимающе кивнула. – Конечно же. С расшифровкой – получилось?

– Не более чем здесь, – с удовольствием сообщил Мартин. – Здоровое зерно было, но требуется очень много работать, учиться, экспериментировать...

Чем больше Мартин смотрел на Ирину, тем сильнее сливались эти два образа – Ирочка с Библиотеки и Ирочка с Прерии-2. Один и тот же характер, одна и та же манера говорить, хмуриться, пристально вглядываться в неудобного собеседника.

– Да кто вы такой? – спросила Ира. – Почему вы меня преследуете?

– Я частный детектив, – с достоинством ответил Мартин. – Ваши родители просили разыскать вас и узнать, все ли у вас в порядке.

– Только разыскать и узнать? – сразу же насторожилась Ирина.

– Если получится, то и уговорить вернуться, – улыбнулся Мартин. – Если потребуется – помочь. Ирина... родители волнуются, и это естественно. Я старше вас в два раза, но поверьте, испытываю те же проблемы.

– У меня еще есть дела, – мило улыбаясь, ответила Ирина. – Домой возвращаться не собираюсь. Что теперь? Потащите силой?

Мартин покачал головой:

– Нет, не потащу. Ира, кто был на Библиотеке?

Девушка улыбнулась. Торжествуя и задорно, как ребенок, сумевший наконец-то в чем-то превзойти взрослого человека.

– Я.

– Ваша сестра? – не сдавался Мартин.

– Нет, я.

– Ирочка, – мягко сказал Мартин. – Этого не может быть по одной простой причине. Девушка, похожая на вас как две капли воды и называвшая себя Ирой Полушкиной, умерла у меня на руках.

Улыбка исчезала с лица Иры очень медленно и неохотно.

– Вы врете.

Мартин покачал головой:

– Произошел нелепый несчастный случай. Нападение животного.

– Нападение животного? На Библиотеке? – с понятным недоверием воскликнула Ира. – Врете! Там...

– Раса геддаров привозит на Библиотеку домашних животных. Одно из них одичало и... – Мартин замолчал.

Ира вздрогнула. Зябко повела плечами. Посмотрела на лысого ковбоя, который с живейшим интересом внимал разговору. Ковбой немедленно спросил:

– Так кого там убили?

– Девушку, похожую на Ирину как две капли воды, – повторил Мартин. – Я не настаиваю, чтобы Ирина возвращалась на Землю. Но мне хочется знать, что передать ее родителям. Что она жива и здорова, пьет пиво на Прерии-2? Или что ее похоронили в каналах Библиотеки и местные рачки заканчивают обглаживать кости?

Ира вздрогнула, как от пощечины, но промолчала. Зато лысенький ковбой тоскливо протянул:

– Вот оно как... Что ж, бывает. И не такое во Вселенной бывает...

Мартин достал из кармана жетон, протянул ей:

– Это ваш. Вы забыли его в лагере археологов, в душевой, Анна передала обратно.

Ирина протянула руку, молча взяла жетон.

– Точно такой же хранится у меня дома, – добавил Мартин. – Я снял его с трупа той, погибшей, Ирины. Еще я взял серебряный крестик. У вас тоже такой есть?

Ира молчала.

– Поймите, – продолжал уговоры Мартин, – я вовсе не собираюсь силой вас куда-то вольничать. И не посягаю на ваши тайны. Но я видел вас мертвую, а теперь вижу живую. И еще вы упоминали про аранков. На их планете тоже есть Ирина Полушкина?

– Я не могу вам доверять, – твердо сказала Ирина. – Извините, но это все – не ваше дело.

– Отчасти мое. Я обещал вас найти, но перевыполнил обещанное и нашел вас дважды. Это меня смущает, Ирина.

– Я напишу письмо родителям, – сказала Ирина. – Хорошо? Вы его доставите отцу и получите свою награду. Верно?

– Боюсь, что этот ответ меня уже не удовлетворит, – признался Мартин. – Ира, вы ввязались в какую-то опасную и странную игру. Попробуйте довериться мне.

– С какой стати? – резко спросила девушка. – Я не знаю, кто вы такой. Я даже не знаю, кто убил... ту девушку, на Библиотеке. Хотите письмо к родителям? Иного ответа не будет.

Мартин глубоко вздохнул. Ему вдруг безумно захотелось перекинуть Ирочку Полушкину через колено и отвесить пару шлепков. Или дать несколько вразумляющих пощечин. Мартин даже сам поразился своей агрессивности... ну, не хочет девушка раскрывать свои тайны – так кто он такой, чтобы на этом настаивать?

– Хорошо, – сказал Мартин, чтобы отогнать навязчивые и неджентльменские желания. – Как вам угодно, Ира. Напишите письмо, и я оставлю вас в покое.

– Он дело говорит, – рассудил лысый ковбой. – Ирочка, ты бы его послушала... что-то у тебя не складывается.

– Спасибо за совет, – ледяным голосом отозвалась Ира. Полезла в сумку, стоящую под столом. Мартин даже вздохнул, увидев знакомый блокнот, из которого девушка выдрала лист и принялась размашисто, явно не экономя место, писать короткую записку.

Мартин и ковбой переглянулись. В глазах ковбоя мелькнула не то тоска, не то смирение.

– Женщины... – философски заметил он. – Будешь виски, Мартин?

Мартин покачал головой. Посмотрел в окно, на залитую холодным электрическим светом деревянную мостовую.

Не сложился у него разговор с Ирочкой.

И впрямь – женщины... А когда они при этом едва вышли из возраста детей – то становятся чемпионами по упрямству.

Никто в баре не обращал внимания на разыгравшуюся сцену. Старательно не обращал. Американцы в этом плане – очень деликатные люди. В Европе, конечно, тоже уважают чужую «прайвеси»... Мартин вспомнил, как однажды, вблизи Барселоны, в самый разгар душевной и жаркой снесты он потягивал коктейль в кондиционированной прохладе вокзала. Ожидал электричку – такую же удобную, кондиционированную, с чистыми сиденьями и классической музыкой через громкоговорители. В этот момент в маленький зал ожидания вошла девушка – явно

туристка, непривычная к испанскому климату. Сделала пару шагов – и, закатив глаза, плавно осела на пол.

В России это сразу бы вызвало у людей нездоровое любопытство! А в цивилизованной Европе все вели себя крайне вежливо, аккуратно обходили девушку, перегородившую проход, улыбались, едва ли не извинялись за беспокойство. Мартин по досадным свойствам русского характера право девушки полежать на бетоне не уважил, вытряхнул из коктейля кубики льда, растер девушке виски и затылок, уложил поудобнее, пристроив голову на колени, нахамил кассиру, которому из окошечка вовсе не было видно причины переполоха... Звали девушку Эдда, приехала она из Германии и через пару дней призналась, что, открыв глаза, первым делом хотела позвать полицию. Ну ничего, все обошлось, голос у нее после солнечного удара окреп не сразу.

Так что Мартин какое-то время обдумывал совсем уж нехороший поступок – незаметно ткнуть Ирину в одну маленькую точку, а когда она потеряет сознание – дотащить до Станции. Увы, даже если бы все вокруг, включая лысого ковбоя, на миг потеряли зрение – толку бы не вышло. Ключники предоставляли проход строго индивидуально. Вроде бы они пропускали совсем уж маленьких детей с родителями, но Ирина никак не походила на маленькую девочку, не способную рассказать историю. Да и Мартин на роль ее папы все-таки не годился.

– Мало тебя пороли, – не удержался он.

Ира искоса посмотрела на него и улыбнулась:

– Ага. Совсем не пороли. Не злись, сыщик. Бери свое письмо и дуй на Землю. Папочка тебе денежек отсыплет.

Она стала аккуратно складывать листок, потом рыться в поисках конверта – не хотела, похоже, чтобы Мартин прочел тот десяток строк, что лег на бумагу. От досады Мартин снова уставился в окно.

Светили фонари. Роились вокруг – совсем как на Земле – какие-то мошки. По деревянной мостовой приближались к салуну еще несколько посетителей...

Мартин насторожился.

Нехорошо они шли. Так не идут в бар за порцией виски.

Мартин покосился на карабин, который прислонил к стене рядом со столиком, потом снова перевел взгляд на идущих.

Четверо.

Один – средних лет, румяный, толстый, коротко стриженный, с щеточкой усов над губой. Другой – смуглый, вроде бы не старый, но с явной сединой в темных волосах. Третий – аккуратно выбрит, с собранными на затылке в хвост длинными волосами. Четвертый – самый пожилой, высокий, чуть сутулый, с бородкой и баками.

Странная группа.

И Мартину очень не понравилось, что у каждого в руках было оружие.

– У вас в городе перестрелки бывали? – спросил он лысого ковбоя.

Ковбой покачал головой.

– Похоже, будут, – кивая на окно, сказал Мартин. Его собеседник повернул голову – и будто оцепенел.

Четверка тоже остановилась. Седенький небрежно поднял дуствольный обрез, нацелил вверх крыши салуна. Мартин как замороженный смотрел.

Грохнул выстрел.

Несколько секунд будто бы ничего не происходило. Все так же шелестел в углу бара телевизор, показывая старые бейсбольные матчи, гремели кружки и сливались в ровный гул голоса. Потом звуки стали утихать – плавно, спокойно. Последним умолк телевизор – бармен дотянулся до пульта и поставил паузу.

В этой тишине и раздвинулись двери салуна. Рано поседевший мужчина не вошел, лишь развел двери руками, заглядывая внутрь. И сказал:

– С наилучшими бестами и регардами, господа! Просим прощения, нам нужен один человек, скрывающийся внутри. Пусть он выйдет, и все будет хорошо.

Никто не произнес ни слова. Мартин поглядывал на карабин. Пожалуй, он успеет, налетчик держал обрез ловко, но расслабленно, будто не ожидая сопротивления...

– Кто вы такие? – возмущенно воскликнул бармен.

Молодой человек покачал головой:

– Это никого не касается. Мы лишь выполняем свой долг. Будем ждать три минуты, – он улыбнулся, – а потом войдем.

Двери замотались на петлях, молодой человек отступил назад. Сквозь стекло Мартин видел, что четверка расположилась метрах в пяти-шести напротив двери, словно совершенно уверившись, что жертва к ним выйдет.

– Ирина, вы знаете этих людей? – спросил Мартин. Почему-то он был уверен – пришли за ней. Но Ирочка лишь испуганно замотала головой.

– Спокойно, господа, спокойно, я звоню шерифу! – доставая телефон, закричал бармен, будто посетители салуна уже впали в панику. Но все сидели тихо, лишь растерянно переглядывались. Никто, похоже, не собирался затевать классическую сцену из вестернов под названием «перестрелка в салуне». Здесь было, на беглый взгляд, человек двадцать вооруженных мужиков – да еще десяток индейцев и молчаливый суровый геддар с неизменным мечом за спиной, но к оружию никто не тянулся.

– Выкурить нас отсюда будет сложно, – сказал Мартин, проверяя карабин. В общем-то можно было попробовать снять одного из визитеров прямо через окно.

– Не надо стрелять, – сказал лысый ковбой. Залпом допил свой стакан, покачиваясь, поднялся. – Это вас не касается... совершенно...

Тем временем бармен положил трубку – похоже, он едва успел набрать номер шерифа, как ему что-то объяснили, даже без вопросов. Житель херсонщины обвел посетителей растерянным взглядом и сообщил:

– Господа... это охотники за наградой. У них и впрямь есть ордер... а кого они ищут?

– Меня, – шатнувшись, сообщил маленький ковбой. – Прошу прощения, я уже иду.

Мартин успел поймать его за руку и спросил, повинуюсь внезапному импульсу:

– Вы уверены? Я мог бы...

Ковбой покачал головой:

– Нет, это только наша проблема. Но спасибо за предложение... Ирочка...

Девушке он церемонно поцеловал руку, после чего двинулся к стойке. Попросил:

– Смешай-ка мне что-нибудь по-быстрому, но чтобы крепко было!

Бармен сглотнул, явно собираясь возразить. Ковбой и впрямь плоховато держался на ногах. Но спорить все же не стал, видимо, решил, что последнее желание приговоренного надо уважать. Спросил:

– «Ватерлиния» пойдет?

Ковбой досадливо махнул рукой: валяй... Бармен и впрямь не мешкал. Плеснул полстакана густого вишневого нектара, а сверху – столько же водки «Столичная». Ковбой выпил залпом, достал бумажник, небрежно бросил на стойку и двинулся к дверям.

– Мартин, мы же не можем позволить... – начала Ирочка, вставая.

Мартин поймал ее за руку:

– Извини. Я отвечаю за твою безопасность... в какой-то мере. Я тебя туда не пущу.

Девушка посмотрела ему в глаза – и бессильно опустилась на стул.

– Кто он такой, почему его преследуют? – спросил Мартин. – Ты вроде бы лучше его знаешь.

– Не знаю... хороший человек... – растерянно отозвалась Ира. – Он о себе мало что рассказывал...

Мартин кивнул и стал смотреть в окно. Они сидели достаточно далеко от двери, чтобы не бояться шальной пули, а увидеть, что произойдет, Мартин считал своим долгом. Институт «маршалов», охотников за наградой, преследующих преступников по всей галактике, был официально узаконен в США, ряде других стран и на большинстве планет-колоний. Да и сам Мартин, если говорить начистоту, порой выполнял похожие функции.

Что бы ни натворил когда-то маленький ковбой, но сейчас оставалось лишь наблюдать за последним актом драмы. Мартин лишь надеялся, что все правила игры будут соблюдены и ему предложат сдаться. Если же нет... Мартин перехватил карабин поудобнее. Ковбой был ему симпатичен.

Тем временем жертва вышла навстречу охотникам. Маленький ковбой остановился, глядя на четверых. И неожиданно трезвым голосом спросил:

– Всего четверо?

– Мы первые успели, – донесся голос толстого. – Ты нас знаешь... пошли.

Мартин от души посоветовал бы ковбою подчиниться. Но тот ответил:

– Я уйду один.

– Ты реш-шил, – слегка заикаясь, сказал бородатый охотник.

И началось!

Ковбой, стоявший так расслабленно и вольно, вдруг скользнул вбок, к пустому железному корыту, на высоких подпорках стоящему у дверей, – то ли тут и в самом деле планировали кормушку для лошадей, то ли поставили ящик как деталь антуража. В движении он начал стрелять – Мартин даже не заметил, как в его руках появился револьвер.

Упал длинноволосый, успев сделать несколько выстрелов из пистолета. Упал и усатый толстяк – у него оказался автомат, но длинная очередь звонко скрикошетила от корыта, куда успел упасть лысый ковбой. Ловко переламывая ствол и перезаряжая дробовик, палил молодой с седыми висками – но ковбой улучил миг, привстал в своем укрытии и сделал несколько выстрелов. Мартин готов был поклясться, что лишь третья пуля в голову сразила охотника за наградой, до этого он стоял и даже продолжал целиться! Дольше всех держался бородач – он стрелял навскидку из многозарядного карабина, держа его одной рукой, а другой тем временем выхватил из-за пояса гранату и ловко зашвырнул в корыто. Мартин сбросил оцепенение, схватил Ирину за плечи, пригнул, прячась и сам, но успел заметить, как граната вылетела обратно, прямо под ноги бородачу.

Грохнуло, зазвенело – и наступила тишина.

Вначале Мартин высунулся сам. Странное дело, даже все окна уцелели.

Как и маленький ковбой. Он сидел на краю корыта, свесив ноги, и перезаряжал револьвер. Мартин подумал, что ему хватило одного-единственного барабана патронов.

– Силен, – только и сказал Мартин. – Ты в порядке, Ира?

– Угу, – выбираясь из-под стола, отозвалась девушка. Претензий за самовольное спасение она не предъявляла, и на том спасибо.

Мартин пошел к дверям. Прежде чем выйти, окликнул ковбоя:

– Это я, Мартин! Не стреляй!

– Да я вообще стрелять не люблю, – отозвался ковбой.

Мартин вышел и несколько секунд разглядывал поле боя. Осколками посеколо фонарный столб и разбило плафон – вот откуда был звук бьющегося стекла. Но лампочка наперекор всему светила, заливая белым сиянием четыре окровавленных неподвижных тела.

– Сильно, – только и сказал Мартин. – А ты в порядке?

– Почти, – философски отозвался ковбой. Похоже, его все-таки зацепило, и не один раз, – он весь был в крови, но на ноги встал крепко, будто и хмель сошел. Печально оглядевшись, ковбой сказал: – Это ничего не меняет... придут другие.

Мартин колебался, не зная, что делать. Этот человек был преступником, но Мартин не знал, в чем его обвиняют, и не имел никаких ордеров на арест.

– Тебе следует покинуть планету, – посоветовал он.

– Ясное дело, – выцарапывая из замшевой рубашки мелкий осколок, ответил ковбой. – Надо же, на излете зацепило...

За плечами Мартина появилась Ирина. Охнула. И быстрым шагом двинулась к ковбою.

– Вас надо перевязать...

– Девочка, держись от меня подальше... – попытался увещевать ее ковбой, но Ирина уже доставала из кармана перевязочный пакет. Запасливая девушка. Мартин вздохнул, прикидывая, не изменит ли она своего решения после случившегося? Вряд ли. Скорее отправится в путь с маленьким ковбоем. Девочки в ее возрасте любят романтику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.